

Валерий Пылаев
ТИТУЛЯРНЫЙ СОВЕТНИКЪ

Валерий Пылаев
Горчаков.
Титулярный советник
Серия «Горчаков», книга 3

текст предоставлен правообладателем

Аннотация

1967 год. Мир, которым правит магия аристократов. Где рок-н-ролл звучит даже во дворце ее Императорского величества, а отечественные «Волги» успешно сражаются на ночных улицах с американскими «Понтиаками».

Очередная бешеная гонка по Санкт-Петербургу заканчивается трагедией. Врачи и целители, уже приговорившие юного князя Горчакова к смерти, списывают чудесное спасение на внезапно проснувшийся Дар. Но даже родовая магия не в силах объяснить, почему у парня полностью изменились привычки и вкусы... И откуда берутся странные сны о местах, в которых ему еще не приходилось бывать.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	50
Глава 6	66
Глава 7	78
Глава 8	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Валерий Пылаев Горчаков. Титулярный советник

Глава 1

- Знаешь, почему мы носим эти знаки на одежде?*
- Черные черепа? Они... они страшные.*
- Может быть. Это особый знак. Его использовали...*
- Давно? Еще до войны?*

На мгновение я даже почувствовал что-то вроде удивления. Последние месяца полтора-два странные сны, после которых голова раскалывалась, а мысли неслись кувырком, сваливаясь в какую-то бесформенную и непонятную кучу, меня не посещали. Я бы даже решил, что они исчезли, прошли навсегда, – если бы вообще о них думал.

У меня определенно имелись дела поважнее. И раньше, и тем более теперь, когда я стал если не фактическим главой рода, то «исполняющим обязанности» уж точно. Жизнь была ключом, порой гаечным и иногда даже по голове, – и мне было не до тонких материй, вроде ковыряния в собственной то ли памяти, то ли подсознании, то ли чужом прошлом. Сны ушли.

И вот снова решили напомнить о себе. И не просто, а куда сильнее обычного.

Я коснулся кончиками пальцев нашивки на жилете. Ткань поистрепалась и выцвела от солнца, рисунок из угольно-черного превратился в блеклый, почти серый – но грозных очертаний не утратил. Оскаленный череп на темно-красном фоне все так же пялился в никуда пустыми глазницами, отгоняя навсегда поселившееся в этом мире зло... или давая понять, что здесь его и так достаточно.

– До войны... – задумчиво повторил я, оборачиваясь.

Обычно все обрывалось на этом месте. Я видел опустевший диван без подлокотников с отпечатком женского тела, развалины, осколки стекла на пыльном полу, желтое небо. Слышал гулкие металлические шаги по лестнице...

И просыпался с пульсирующей от боли головой.

Но сегодня сон продолжался. Моя спутница никуда не делась, а осталась там, где ей и положено было остаться. Женщина – а точнее совсем молоденькая девушка – сидела ко мне вполоборота, но я все равно мог увидеть ее лицо. Точеный профиль, бледная, почти белая кожа – будто девчонка всю свою жизнь провела не в этой выжженной пустоши, а где-нибудь в подземном бункере... или там, где еще остались живые деревья.

Крохотный чуть вздернутый носик, светлые волосы – длинные, чистые и настолько мягкие с виду, что мне на мгновение захотелось к ним прикоснуться. Красивая. И совер-

шенно неуместная здесь, в этом обугленном остове дома рядом со мной... Да и вообще в этом мире.

Зря я полез ее спасать. Такие все равно не выживают.

Удивительно, как она вообще смогла дотянуть до своих... шестнадцати? Пятнадцати? И где пряталась все эти годы?

– Череп означает смерть, – проговорил я. – Это ее знак. И если она придет – то подумает, что уже была здесь.

– И уйдет, да?.. Ты правда в это веришь?

– Не знаю. – Я пожал плечами. – Сегодня явно не мой день.

– Сильно ранили? – Девчонка повернулась ко мне. – Тебе больно?

Глаза. Синие, как небо. Не нынешнее, а какое оно было раньше, до войны.

И такие же далекие, недостижимые. Нездешние.

– Бывало и хуже.

Я коснулся жилета снизу – там, где посеревшая от времени древняя джинса насквозь пропиталась алым. Точнее, бурым: кровь уже успела подсохнуть.

– Идти сможешь?

– Смогу. – Я на мгновение замер, прислушиваясь. – Проблема в том, что идти нам некуда.

Когда я открыл глаза, в ушах еще звучали шаги, громы-хавшие с лестницы. Тяжелые, медленные, отдающиеся в развалинах звоном металла.

Люди так не ходят.

– Да твою ж... – простонал я, перекатываясь набок.

Все в порядке. Я дома. В Елизаветино, в своей комнате, знакомой с детства, а вовсе не в неведомом мертвом городе, когда-то выжженном чем-то страшнее самого смертоносного боевого заклятья первого магического класса. Над головой – самый обычный потолок, а не чужое грязно-желтое небо. Будильник на тумбочке у кровати показывает шесть часов сорок семь минут.

Значит, уже пора вставать. Жизнь в училище давно приучила меня к ранним подъемам, но и редкие дни в родовом гнезде тоже мало напоминали отдых. Чтобы успеть хотя бы половину неотложных дел, которые планировал неделю заранее, порой приходилось просыпаться даже раньше, чем прислуга.

И, иной раз даже не вылезая из-под одеяла, браться за документы. Не то чтобы дед совсем забросил финансовые дела семьи, или новый поверенный, которого наняли по рекомендации родни со стороны матери, давал повод усомниться в своих умениях – после Миши я не доверял уже никому. Даже самому себе, взяв за правило просматривать все важные бумаги дважды: перед сном и утром, на свежую голову.

Единственное время суток, когда я был хотя бы отчасти предоставлен сам себе. Даже если выпадал свободный от муштры в училище денек, сразу же после завтрака начинались разъезды, встречи, визиты – и уже не прекращались до самого позднего вечера, а то и ночи. Поначалу мы занима-

лись всеми этими странными хлопотами вместе с дедом, но в последние недели полторы старик разленился и уже не стеснялся отправлять меня с Андреем Георгиевичем – а то и вообще одного.

Видимо, я держался не так уж плохо. Пожимал руки – или манерно целовал, если приходилось общаться с дамами. Улыбался, стараясь быть учтивым, справлялся о здоровье дедушек, бабушек и тетушек, о детях... И только потом – о делах насущных, ради которых, собственно, и приезжал.

Всю эту необъятную толпу непременно следовало запоминать не только по имени, отчеству и титулу, но и по степени родства с Горчаковыми. Двоюродные тетушки, чьи-то внучатые племянники, братья дочери старшей сестры матери... И их была едва ли половина. Примерно столько же у нашей семьи оказалось вассалов, связанных древними клятвами, союзников, старых друзей, которых тоже в обязательном порядке полагалось почтить визитом, должников – а иногда и тех, кому в свое время изрядно задолжал дед.

И речь, разумеется, шла не о тех долгах, с которыми можно было бы расплатиться имперскими рублями.

В общем, жизнь наследника рода – пусть даже дед еще ни разу меня не называл таковым публично – оказалась совсем не малиной. Настолько, что я даже радовался возвращению на свою койку в дортуаре училища. Но радость всякий раз оказывалась недолгой: после нескольких часов мертвецки-крепкого сна меня ждало пробуждение, умывание и

построение на утренний смотр, после которого начиналась муштра.

Воля деда порой избавляла меня от классов и необходимости находиться в училище денно и нощно, но ничего не могла поделать с экзаменами, нормативами, нарядами, цуком и прочими прелестями жизни юнкера первого курса. За каждую отлучку Мама-и-Папа щедро вознаграждал меня поручениями – и второй «родственник» от него почти не отставал. Иван твердо задался целью сделать из меня отчетливого юнкера и шел к ней, не считаясь с потерями.

Я не возражал: даже ночные бдения, подъемы по команде и синяки от приклада трехлинейки были не столь мучительны, как часы, проведенные в гостинной очередной титулованной бабуси. Каждая великовозрастная княгиня или графиня, похоже, считала своим долгом сосватать мне внучку или, за неимением таковой, хотя бы племянницу.

Приходилось юлить. Юные девы все как на подбор оказывались теми еще красотками и наверняка могли похвастаться не только происхождением, но и манерами, неплохим потенциалом Дара, образованием – а то и капиталами. Но на них совершенно не было времени! Не то чтобы жизнь всерьез пыталась превратить меня в монаха, но единственной женщиной, с которой порой приходилось чуть ли не спать в обнимку, стала винтовка с чужим плетением на цевье.

Редкие часы, когда я мог хотя бы побыть наедине, выпадали или перед сном, или на рассвете – но и их приходилось

тратить на документы или чтение книг. В последнее время мое социальное положение росло заметно быстрее знаний, и пробелы в образовании из внушительных грозили превратиться в катастрофические.

Но не сегодня. К черту. Когда голова похожа на чугунный горшок, паяться в цифры отчетов все равно без толку.

Умывшись, я накинул рубашку и спустился вниз, в гостиную. Занял любимое дедовское кресло и взял со столика свежую газету. Судя по тревожным заголовкам, в стране действительно творилось что-то из ряда вон выходящее. Забастовки, убийства в крупных городах, крах высших чинов – а теперь еще и беспорядки в полках в губерниях за Уралом.

Да уж. Опальный генерал Куракин удрал из столицы, но, похоже, продолжал действовать там, куда не дотягивались даже длинные руки Третьего отделения. Зная Багратиона, он наверняка поднял всех – и своих людей, и полицию... а может, даже военных.

Одному Богу известно, скольких жизней стоил покой хотя бы в столице.

– Доброго утра, ваше сиятельство. Сегодня вы рано...

На столик опустилась дымящаяся чашка на блюде. Утренний кофе мне теперь приносила Арина Степановна лично – честь, которой раньше удостаивались только дед, отец и Костя. И, сколько я ни пытался ворчать, ругаться – а то и вовсе приказывать, – хранительница усадьбы больше не называла меня по имени, Сашей. Только на вы» и уже

набившее оскомину «сиятельство». Как говорят французы – noblesse oblige, положение обязывает.

И, видимо, обязывает не только меня.

Но привыкнуть я все равно никак не мог. Дежурная учти-вость и этикет... нет, не то чтобы сделали Арину Степановну чужой или выстроили какую-то стену – но я все равно чувствовал, что приподнялся над простыми смертными еще на ступеньку или две – и впереди таких ступенек еще немало.

И рано или поздно я заберусь так высоко, что вполне могу перестать замечать тех, кто остался внизу.

– Не спалось, – вздохнул я, протягивая руку за кофе. – Пожалуй, сегодня просто почитаю газету... до завтрака.

– Ничего там интересного, Александр Петрович, уж поверьте. Опять про вашу светлость гадости пишут.

Это где? Про меня, да еще и в самом важном столичном издании?

А, нет – показалось. Заметил на столике еще одну газету: потоньше, с бумагой не самого лучшего качества – да и в целом не самую... выдающуюся. Уж не знаю, кому взбрело в голову принести сюда свежий выпуск «Вечернего Петербурга» – ни я, ни Андрей Георгиевич, ни уже тем более дед такое не читали.

И все-таки принесли. Уж не для того ли, чтобы газетенка попалась мне на глаза?

– Александр Горчаков-младший, – прочитал я вполголо-са. – Палач все еще на свободе.

Даже так?.. Сильно.

Несмотря на звучный заголовок, статья (здоровенная, на весь первый разворот) не рвала с места в карьер, а набирала обороты постепенно. Для начала автор припомнил мои прегрешения полугодовой давности: гонку по Невскому и драку в больнице. Даже вскользь упомянул о дуэли с Воронцовым — не называя имен и мест, без конкретики, намекнув на «последствия, которые вполне могли стать трагическими».

Потом прошелся по тому дню, когда погиб Костя, а я еле удрал от таинственных штурмовиков в черном, попутно уложив где-то с десятков. И если в прошлой статье все это преподносилось чуть ли не как геройство, то теперь и о заговоре, и о реальных виновниках всего, и даже деда, который собрал целую маленькую армию, будто забыли. А мои поступки выглядели банальной вендеттой слетевшего с катушек малолетнего аристократа.

Бред сивой кобылы. Но и в него наверняка кто-то поверит.

После короткого, но сочного описания стрельбы в центре столицы автор ненавязчиво перешел к моему моральному облику. Я на мгновение даже сам чуть не поверил, что являюсь избалованным недорослем, таким прыщом на лице всего дворянского сословия, вся жизнь которого посвящена увеселениям, разврату и прочим удовольствиям.

Статья чуть ли не открытым текстом заявляла: Горчаков-младший снова взялся за старое и гоняет по городу на автомобиле сомнительной конструкции. Целыми днями не

появляется в военном училище, наплевав на устав. Регулярно посещает светские мероприятия и, ко всему прочему, еще и меняет женщин как перчатки.

И если трогать Гижицкую разумно не стали, то Настасье досталось по полной. Вдоволь поиронизировав над ее конструкторскими талантами, автор перешел к тем «талантам», которые очаровали избалованного и недалекого князя Горчакова. Далее в ход пустили щедро навешанные ярлыки вроде «безвкусица», «вульгарность», «дурные манеры»...

От всего этого буквально веяло не просто желанием уколоть, пройдясь по громким и злободневным темам, но и обидой. Жгучей, настоящей и какой-то... личной. Так что я совсем не удивился, прочитав в конце статьи имя автора: Вернер Е. С.

Не зря говорят: нет ничего страшнее оскорбленной женщины.

Мы не виделись с Леной... Сколько же? Две недели? Три? Месяц – или еще больше? Да и до этого наши встречи неизменно получались тайными, недолгими и всякий раз заканчивались в ее крохотной квартирке под крышей. А иногда – там и начинались. Я не спешил выходить с ней в свет, да и сама она как будто куда больше интересовалась работой, чем личной жизнью. Не задавала лишних вопросов, не требовала...

Но, видимо, все-таки хотела. И, не получив, решила отомстить. Холодно и беспощадно, пустив в ход весь свой небо-

гатель, в общем-то, арсенал журналиста. Не то чтобы статья в желтой газетенке могла всерьез повлиять на мою репутацию – слишком хорошо меня теперь знали все, чье мнение в обществе по-настоящему чего-то стоило.

И все же.

Вишенкой на торте стала смерть Штерна. Разумеется, госпожа Вернер ни в чем меня не обвиняла. Лишь констатировала факт: после встречи со мной крупного промышленника с безупречной репутацией хоронили почти без свидетелей, ночью и в закрытом гробу.

Завершалась статья общими словами о вседозволенности аристократов, здоровенным булыжником в огород полиции, Третьего отделения и Багратиона лично, сопровождающимися риторическими вопросами в духе «Доколе?!».

Самым обидное – Лена, в общем, нигде по-крупному не соврала. Формально на всем объемистом развороте с моей фотографией под ручку с Настасьей не было вообще ни капли лжи. Зато правда выглядела, мягко говоря, так себе. Отдельных фактов, вырванных из общей массы, оказалось вполне достаточно, чтобы превратить меня чуть ли не в крокодилов.

Наверное, я должен был злиться – но почему-то не злился. Статья отложила что-то в уме и памяти. Словно поставила зарубки: взять на карандаш, обдумать и разобраться... потом – когда не будет по-настоящему важных дел. Я не чувствовал вообще ничего. Ни по поводу полоскавшего меня чертова

листка, ни в адрес редакции.

Ни к самой Лене.

Как бы я ни пытался сосредоточиться на чем-то насущном, мои мысли сами собой возвращались к девчонке из сна. Причем интерес она вызывала скорее... в общем, не тот, который в подобных случаях приходит на ум первым. Слишком худенькая и изящная, слишком бледная, будто выцветшая добела. И слишком молодая – даже для моих неполных семнадцати.

А тому, кем я был во сне, она и вовсе казалась почти ребенком. Неразумным, слабым и беззащитным. Поэтому я и полез в почти безнадежную схватку: с одной странной винтовкой против...

Голова снова запульсировала болью – но не сильно, будто предупреждая. Чья-то неведомая воля ненавязчиво намекала: не лезь. Дальше нельзя. Пока – нельзя.

Ладно, понял. Идите к черту.

Потерев виски, я откатился чуть назад – к белобрысой девчонке. Думать о ней, похоже, не возбранялось. И чем больше я прокручивал в памяти сегодняшний сон, тем больше убеждался: где-то я ее уже видел. В том, выжженном дотла мире – а может, и уже в этом.

Чуть другой – может, повзрослевшей, изменившейся, но с такими же синими глазами, которые...

Из размышлений меня вырвал негромкий шум, доносившийся со стороны не до конца закрытой двери: похоже, во-

инство Арины Степановны уже суеилось, накрывая на стол к завтраку.

Сколько же я просидел? Сначала с газетой в руках, а теперь вот с этими странными то ли воспоминаниями, то ли просто фантазиями... Кофе уже успел остыть.

Вздохнув, я швырнул скатанный в трубку «Вечерний Петербург» на столик и, потянувшись, поднялся. Времени думать о снах не осталось. Пора завтракать, приводить себя в порядок и выдвигаться в город.

По странной иронии сегодня меня ждет именно то, о чем писала Лена: светские увеселения, автомобили – и, разумеется, женщина.

Глава 2

Небесно-голубого цвета «Чайка» метнулась наперерез и, заставив меня ударить по тормозам, с неожиданным для такой здоровенной металлической туши изяществом втиснулась между гигантским блестящим «НАЗом» двенадцатой модели и каким-то очередным «американцем». Первой мыслью было выйти и всыпать лихачу по самое не балуй, но я сдержался.

Не княжеское дело – собачиться из-за удобного места.

Да и вообще устраивать какой-то бедлам, пожалуй, не стоило. Не то чтобы кто-то из местной публики всерьез воспринимал второсортную газетенку вроде «Вечернего Петербурга», но недоброжелателей у меня хватало и до этого, а в последнее время стало еще больше. Конечно, прибавилось и тех, кого я мог назвать если не друзьями или союзниками, то хотя бы хорошими знакомыми... И все же пара-тройка косякх взглядов мне обеспечена.

– Ох, благородие, народу-то сколько...

Да хотя бы вот поэтому.

Настасья подалась вперед, разглядывая собравшуюся у входа блестящую публику. Так, что едва не улеглась на торпеду. В целом ее поза выглядела вполне пристойно – но я, хоть и не видел, догадывался, какие у бедной девчонки сейчас глаза.

Блестящие изумрудами, широко распахнутые – и из-за этого кажущиеся еще больше. Полные изумленного ожидания, щедро разбавленного и любопытством, и страхом, и восхищением, и еще черт знает чем.

Может быть, даже чуточкой злости.

– Разряженные какие все, – пробубнила Настасья. – А нутро, небось, поганое. Знаю я ваших.

Я не ответил – возразить мне было, в общем, нечего. Мы оба прекрасно помнили, как в наш первый совместный выход в свет публика в «Кристалле» разглядывала мою спутницу, как диковинное животное из какой-нибудь далекой солнечной Африки. А Гижицкая и вовсе не поленилась подойти, чтобы лично воткнуть пару шпилек.

– Расслабься, Настасья Архиповна. – Я легонько потрепал деву-конструктора по плечу. – Никто тебя не съест.

Не должны – хотя, на самом деле, могут. Я не жалел ни денег, ни собственного времени, да и сама Настасья старалась как умела: уроки, книги, современная мода, писанные и неписанные правила, столовый этикет, нужные знакомства... Даже без всего этого природные красота и очарование могли бы покорить сердца даже самой придирчивой публики, не попадаясь среди представителей высшего света самые настоящие хищники.

После месяца разъездов с дедом я не только запомнил их всех до единого, но и, кажется, даже изобрел для каждого свой хитрый прием если не поставить на место одним сло-

вом, то хотя бы избавиться от ненужного внимания. Но Настасья таким умением, разумеется, пока не владела. Не хватало ни опыта, ни – чего уж там – веса в обществе.

К ее услугам были лучшие портные и модистки Петербурга. Мы даже отыскиали – по совету одной из бесчисленных подружек Богдана – умелицу, которая каким-то непостижимым образом справилась с маникюром, истребив намертво въевшиеся в руки Настасьи машинное масло и металлическую крошку из мастерской. Внешне вчерашняя крепостная преобразилась так, что с легкостью дала бы фору даже самой породистой светской львице, – но внутри еще оставалась самой собой.

Самой обычной девчонкой из простых – только буквально помешанной на автомобилях. Будь ее воля, она, наверное, и вовсе поселилась бы в мастерской. Там она без особого труда держала и все железное хозяйство, и работяг – причем в ежовых рукавицах. Но перед выходом в свет все равно нервничала, как гимназистка, решившая выкурить первую в жизни сигарету. Может, Настасья пока не добирала ни манер, ни лоска, ни опыта подобных мероприятий – зато местную публику видела буквально насквозь.

И знала: чуть ошибешься – сожрут заживо.

– А может, ну его, благородие? – жалобно протянула Настасья. – Лучше бы с моими в мастерской посидели. Там хоть не боишься лишнего ляпнуть. А тут – только позориться.

Все-таки скисла – хоть и держалась до последнего. И во

время сборов, и по дороге, и даже когда мы уже толкались среди дорогуших машин на подъезде к дворцу Юсуповых на Мойке, Настасья или сидела с каменным лицом, или ненавязчиво болтала о чем-то с улыбкой. Похоже, отрабатывала на мне великосветский этикет, хоть и упорно продолжала именовать «благородием» вместо положенного «ваше сиятельство».

Но когда настало время покинуть машину и предстать перед цветастой местной публикой – занервничала. И еще как.

– Не хочу я туда. – Настасья откинулась на сиденье, сложила руки на груди и обиженно поджала губы. – Тоска одна. Еще и пелятся все...

– Попробуй не пялиться, – улыбнулся я. – Ты здесь красивее любой княжны.

– Да ну тебя! – Зеленые глаза выстрелили две сердитые молнии. – Я потому и не хочу. Вроде про машину спрашивают, про мотор – а глаза сам знаешь, куда смотрят... Тьфу!

– Сегодня такого не будет, обещаю. – Я щелкнул ремнем. – Ну... или будет в разумных количествах. Все-таки серьезное мероприятие. Большинство приглашенных все-таки умеют вести себя прилично.

– Тоже мне успокоил, – вздохнула Настасья. – Что хоть это такое будет?

– День рождения старшей княгини Юсуповой. Кажется. – Я на мгновение задумался. – Или чья-то помолвка... Да какая разница?

– Так ты меня, выходит, только для красоты и пригласил? – Настасья посмотрела на меня исподлобья. – Похвастать – вот какая у меня... инженерша.

– Не инженерша, а инженер-конструктор, – строго поправил я. – А роскошная внешность – просто приятное дополнение к уму, золотым рукам и таланту.

Грубоватый комплимент попал в цель: взгляд Настасьи чуть потеплел, а суровая складка между темных бровей разгладились. Не то чтобы она уже готова была выйти из машины и сразить всех наповал – но явно больше не боялась... почти. И ворчала скорее по инерции.

– Ага... Ты это им объяснять будешь?

– Может, и буду. – Я пожал плечами. – А может, буду молчать и загадочно улыбаться... В конце концов, интрига и скандал – тоже неплохая реклама.

– Ну отлично. – Настасья показала мне кончик языка. – Вот сам бы тогда и торговал... лицом. Оно у тебя, кстати, тоже весьма даже симпатичное.

– Ну уж нет, – рассмеялся я. – Моя работа – рисковать своей шеей на гонках. А быть лучезарной и обаятельной – твоя... Партнер.

– Партнер. – Настасья, наконец, улыбнулась и шутливо пожала мне руку. – Ладно, пойдем уже. Пока я не передумала.

Выбравшись наружу, я обошел машину. Долгие разговоры об этикете высшего света не прошли даром: вместо того, чтобы высказывать самостоятельно, Настасья терпеливо

дождалась, пока я открою дверцу, и, взявшись за мою руку, поднялась с сиденья.

— Ну вот, уже пялятся, — едва слышно проворчала она, на мгновение ткнувшись лбом мне в плечо. — Заразы такие...

— Ну и пусть. — Я взял Настасью под локоть. — Улыбнись и помаши ручкой: нас фотографируют.

Если уж попадать на первую полосу очередного желтого издания — пусть снимок хотя бы будет удачным.

Я услышал три или четыре щелчка камеры, пока мы еще шагали по улице, но куда больше внимания ожидало нас внутри. Настасья даже прикрыла рукой глаза от вспышек — но тут же снова приветственно заулыбалась, вышагивая рядом со мной к лестнице на второй этаж. В чем-то я даже понимал газетчиков: парой мы действительно были весьма эффектной.

Я облачился в черную с золотыми пуговицами парадную юнкерскую форму. Жалко, нельзя было заодно надеть и ордена — тогда бы никто не посмел даже про себя подумать то, что в свежем выпуске «Вечернего Петербурга» расписали на целый разворот.

Но, как говорится, наша служба и опасна, и трудна, и на первый взгляд...

Интересно, кто это сочинил?

Настасья специально для особого случая заказала платье из тяжелой и бархатистой на ощупь темно-сиреневой ткани. Ровный крой чуть ли не в пол, никаких открытых плеч

или глубокого декольте. Даже талия скорее просто обозначена, чем подчеркнута: слишком уж много сегодня соберется представителей старшего поколения – все должно выглядеть прилично.

И если какая-нибудь избалованная княжна вполне может позволить себе одеваться как ей вздумается, то к девушке из низшего сословия местная плотоядная фауна будет беспощадна.

Впрочем, Настасья и без всяких модных мини или прочих наворотов выглядела шикарно. И привлекала внимание, которым я тут же не преминул воспользоваться.

– Привет, Сашка.

Иван Бахметов – один из еще Костиных друзей – тут же подлетел поприветствовать меня. Сам он пока не собирался менять свою спортивную «Волгу» даже на самое навороченное чудо техники – но все свежие новости предпочитал не просто узнавать, а узнавать, что называется, из первых рук.

– Я тут недавно такое слышал, – заговорщицки прошепел он. – Правда, что ты на своем корыте «Астон Мартин» и «Шелби» дернул, как стоячих?

Слухами земля полнится.

– Ну, не как стоячих... – Я чуть приподнял бровь. – Ваше сиятельство изволит спросить – не участвую ли я в уличных гонках?

– И в мыслях не было. – Бахметов довольно оскалился и снова стиснул мою руку. – Ладно, давай, старик. Еще побол-

таем!

Стоило ему отойти, как передо мной тут же появился следующий собеседник. На этот раз незнакомый, постарше и явно посолиднее – судя по золоченой оправе очков и цепочке часов, свисающей с объемистого живота. Такие редко интересуются мощными автомобилями, но... случается всякое.

– Ваше сиятельство... – Незнакомец неразборчиво представился. – Замечательная, замечательная машина... Мне приходилось слышать... Позвольте визиточку?..

Нет проблем – уж этого добра я прихватил с собой в изытке.

– И ведь самое главное – полностью отечественная разработка! Целиком и полностью сделанная здесь, в Петербурге. Да уж, чего только...

Остатки фразы я уже не услышал – моего нового знакомого уже оттер кто-то то ли помоложе и понаглее, то ли просто повыше рангом.

– Ну, как улов? – негромко поинтересовалась Настасья, когда мы поднялись на второй этаж.

– Все раздал. – Я похлопал себя по опустевшему карману. – Может, что-нибудь и выгорит.

За последний месяц мы получили два заказа. Жадные до всяких модных новинок княжики не поскупились на аванс, и Настасьиная мастерская впервые за все время хотя бы отбила затраты на содержание. Уже что-то – но это только начало. Чтобы все это по-настоящему начало работать, нужно еще...

– Ваше сиятельство... сударыня... – Девушка с фотоаппаратом появилась перед нами буквально из ниоткуда. – Пару слов для прессы.

Вот что называется – неловкий момент.

Я не сразу узнал Лену. На работу она обычно одевалась иначе: во что-нибудь мешковатое и неброское, чтобы по возможности оставаться незамеченной. Но во дворец Юсуповых в джинсах могли и вовсе не пустить – так что госпоже репортеру пришлось облачиться в платье. Черное, в меру короткое, скромное – но все же достаточно эффектное, чтобы не потеряться даже на фоне местной блестящей публики. Образ дополняли неожиданно короткие волосы с прямой челкой... кажется, это называется каре. Мы действительно долго не виделись – если уж я успел слегка подзабыть, как Лена выглядела раньше. До того, как подстриглась.

– «Вечерний Петербург», – невинным голоском пропела она. – Елена Вернер, корреспондент. Я могу задать вашему сиятельству несколько вопросов?

Вот ведь зараза.

– Боюсь, что нет, сударыня, – улыбнулся я. – Мы очень спешим. Прошу меня извинить.

– Но как же, ваше сиятельство... – Лена будто бы случайно заступила мне дорогу. – Нашим читателям не терпится узнать имя вашей очаровательной спутницы. Вы собираетесь представить ее семье и друзьям в качестве своей... подруги?

В голосе Лены плескалось столько яда, что хватило бы

утопить голубя. Имя спутницы было, разумеется, прекрасно известно – и читателям, и уж тем более той, кто на днях сдал в редакцию целую статью. Весь этот спектакль разыгрывался исключительно с одной целью. Побольнее ткнуть Настасью, в очередной раз напомнив ей: знай свое место, крепостная.

– Мы с его сиятельством – деловые партнеры. Не думаю, что подобное стоит непременно доносить до почтенного Александра Константиновича.

Ну будь мои руки частично заняты, я бы, пожалуй, поаплодировал Настасье. Она не только не стушеввалась и не сорвалась, но и подыскала ответ, лучше которого я бы не придумал и сам. Но и Лена не собиралась сдаваться: тут же развернулась, нацелила фотоаппарат и бесцеремонно щелкнула вспышкой Настасью прямо в лицо.

На лестничной площадке перед большим залом тут же стало теплее. Градуса на два или три.

– Вы представитесь, сударыня? – В руках Лены появился блокнот. – Расскажите, как и где познакомились с князем Горчаковым? Правда ли, что раньше...

Терпеть подобное, разумеется, было попросту нельзя. Покрепче взяв Настасью под локоть, я решительно шагнул к двери – и Лене пришлось отступить.

– Прошу прощения, – с нажимом произнес я. – Нас уже ждут. Позвольте пройти, сударыня.

Лена убралась с дороги, лишь напоследок удостоив меня презрительным взглядом. Вздумай она продолжать переги-

бать палку – я бы, пожалуй, попросил хозяев вывести ее вон.

И вряд ли бы мне отказали в такой милости.

– Что это за девица, благородие? – недовольно поинтересовалась Настасья, когда мы отошли на несколько шагов.

– Да так... – Я неопределенно пожал плечами. – Репортерша.

– Чикса какая-то. А как смотрела на тебя... волосы бы ей повывергивала.

Я промолчал. Настасья вряд ли могла встречать Лену – и до нее уж точно не дошли бы слухи, даже если бы таковые имелись. Но чуйка не подвела.

– Вроде в первый раз ее вижу, благородие. А она мне уже не нра...

– Тихо! – Я остановился, стискивая Настасьины пальцы. – Что это?

Похоже, сработало чутье Одаренного. Когда я замер, вслушиваясь в многоголосый шелест дворца, доносившийся и с лестницы, и из зала, ничего особенного еще не происходило.

И только потом загрохотали выстрелы.

Глава 3

Без особых раздумий, я тут же метнулся в сторону, утягивая Настасью за собой. Когда еще ничего не понятно – нет ничего хуже, чем стоять в дверном проеме, который на раз простреливается со всех сторон.

Впрочем, даже такой маневр не слишком-то облегчал жизнь: судя по шуму, стреляли и где-то внизу, на первом этаже – и прямо в зале, в дальнем конце. Через несколько мгновений к хлопкам и винтовочной трескотне присоединились и другие звуки: в ход пошла убойная магия.

На мероприятии у Юсуповых собралось достаточно старых и могучих Одаренных. Их суммарной силы вполне хватило бы превратить в тлеющие головешки весь центр Питера. Андрей Георгиевич не зря говорил, что против боевого мага пятого класса и выше любое оружие превращается в беспомощную игрушку.

Кто-то имел глупость полезть с винтовками и пистолетами на целую толпу Одаренных аристократов, и несчастных безумцев уже должны были смять, уничтожить, развеять в пепел или нарезать в капусту за считанные мгновения... но не смяли.

И я, кажется, уже догадывался – почему.

– Что там такое, благородие? – Настасья дернулась в моих руках. – Стреляют?!

– Ага. Еще как, – проговорил я. – Тихо!

Я понятия не имел, что творится, но уже сообразил, что все это явно не случайность, а тщательно спланированная операция. Выстрелы в зале почти стихли – зато их тут же сменили крики и топот ног. Толпа в две-три сотни человек из столичной знати предпочла отступить – и буквально превратилась в стадо. Мимо нас мчались кавалеры и дамы в роскошных платьях. Кто-то кричал, падал, поднимался... а кто-то оставался лежать, заливая кровью роскошный паркет. Озверевшие от ужаса люди без стеснения топтали раненых, толкались, мешая друг другу, – но и тех, кто все-таки успевал выбраться на лестницу, похоже, ждала незавидная участь: на первом этаже трескотня выстрелов только усилилась. Кто-то закусился очень крепко, и ни одни не собирались уступить.

А я не собирался геройствовать. Во всяком случае, до того, как разберусь хоть в чем-то. Ломиться вниз и пробиваться на улицу – почти самоубийство. В зал? Уже лучше, но, судя по гомону и женским визгам, тоже небезопасно. Оставаться на месте – бессмысленно. Неплохо бы хоть как-то осмотреться, но сначала...

– Сюда! – Я решительно затолкал Настасью в угол за какую-то пальму в горшке. – Сиди здесь и не высывайся!

Так себе маскировка – но уж точно лучше, чем стоять и ждать, пока девчонку или подстрелят таинственные злодеи, или в панике затопчут представители высшего света. И даже если со мной что-то случится – специально искать ее точ-

но не станут. Тот, кто имел наглость напасть на целую толпу аристократов в доме князей Юсуповых, пришел сюда уж точно не за бывшей крепостной.

– Ты куда, благородие? – Настасья схватила меня за руку. – Стой!

– Я сейчас вернусь!

– Не пущу! – В мой рукав вцепились все десять крепких пальцев разом. – Совсем сдурел?

Не исключено. Но отсиживаться в углу за пальмой я уж точно не собирался. В конце концов, я носил форму и уже дал военную присягу – а ситуация явно была как раз из тех, когда будущему пехотному офицеру непременно полагается действовать. И пусть у меня нет с собой трехлинейки – зато есть...

Нет. Увы и ах – другого оружия у меня тоже нет. Вообще никакого.

Я почти не удивился, когда вместо уже привычного усиленного Хода у меня получился пшик. Не плетение, а форменное издевательство: контур кое-как держался, но энергии в нем было столько, что эффекта я почти не чувствовал.

Значит, чертова «глушилка» где-то рядом. Но где?.. Уж точно не у бедняг, которые остались лежать на полу. Как ни странно, лестница понемногу пустела – кажется, большую часть приглашенных все-таки каким-то чудом удержали в зале. А беглецов расстреливали на ступеньках чуть ли не в упор – грохотало уже совсем близко, буквально за спиной. Я

узнал не только трехлинейки и наганы. Похоже, кто-из нападавших вооружился кольтом. Самой настоящей карманной гаубицей, которая без Щита запросто разворотит живот или оторвет руку.

Значит, вниз мне точно не надо.

Но и войти в зал оказалось не так-то просто: оттуда еще пытались выбежать.

– Стойте! – заорал я. – Вас убьют!

Кое-как увернувшись от дородной тетушки в пышных розовых кружевах, я попытался остановить какую-то девчонку – бедняга явно спешила поскорее поймать пулю на лестнице. Не удержал: на меня тут же налетел ее кавалер. Я поднырнул под нацеленный в меня острый локоть, толкнул кого-то плечом, сам получил в челюсть, снес какого-то вопящего толстячка в сером костюме...

И на меня уставилось дуло нагана. Я даже не успел рассмотреть, кто держал оружие, – все ресурсы разума ушли на моментальный просчет.

Слишком далеко, шагов пять-семь. Без Хода не допрыгну, не увернусь, Щита нет, Булаву... да какая там Булава?

Назад!

Я дернулся, как ошпаренный, и пуля просвистела мимо. Кто-то за моей спиной вскрикнул, падая, а я уже прыгал вбок, смещаясь с прицельной линии. До следующего выстрела еще доля секунды, и...

– Осторожно! – крикнул кто-то. – Там свои!

И уже нацеленная в меня винтовка вместо того, чтобы выплюнуть пулю, просто рванулась вперед, втыкаясь дулом в грудь. От боли перехватило дыхание, но я все-таки нашел в себе силы схватиться за ствол, подтянуть и врезал локтем. Чья-то коротко стриженная голова с лязгом зубов откинулась назад. Я ударил снова – коротко, почти без замаха, как учил Иван, но уже не попал. Чьи-то крепкие руки схватили меня и швырнули на пол.

Нападающие с лестницы уже поднялись сюда – похоже, перестреляли всех по пути, а чудом уцелевших сгоняли обратно в зал, как баранов.

– Не стрелять! – снова раздался хриплый голос. – Он один!

Я пробовал отбиваться, однако без магии справиться с несколькими крепкими взрослыми мужчинами оказалось... В общем, я не справился. Удачно залепил кому-то ботинком в колено, едва не вырвал винтовку – но потом удары прикладами, кулаками и рукоятками пистолетов посыпались один за другим. Последний оказался особенно неприятным: попади он чуть левее, в висок, и я вполне мог бы присоединиться к куче трупов на полу.

– Уймись, ваше благородие! Не заставляйте меня в вас стрелять.

Надо мной склонился главарь нападавших. Тот самый, с хриплым голосом. Который, надо сказать, совершенно не подходил тощему парню с длинными темными волосами.

Видимо, сорвал, пока вел на приступ свое разномастное воинство.

Не такое уж и многочисленное. Лежа на полу, я насчитал всего полтора десятка человек. Некоторые явно были ранены – и неизвестно сколько еще остались лежать на первом этаже.

Возможно, у кого-то из приглашенных оказалось оружие. Да и юсуповские безопасники не зря ели свой хлеб и даже без магии стояли намертво. Нападавшим пришлось выгрызать каждый метр, пробиваясь наверх.

И все-таки они победили. Нескольких «глушилок» и пары-тройки десятков стволов оказалось достаточно, чтобы перебить или взять в плен целый дворец Одаренных аристократов.

Так себе математика.

– Вставай. – Здоровенный детина – похоже, тот самый, которому я сломал нос локтем, – заехал мне ботинком по ребрам. – И иди к остальным.

Я не стал спорить и, кое-как поднявшись с липкого от чужой крови паркета, зашагал к двери в зал. Попытка повернуть голову стоила очередного тычка под ребра, но то, что хотел, я все-таки увидел.

Темно-сиреневое платье мелькнуло – и исчезло на лестнице. Умница Настасья не стала ни рваться мне на помощь, ни отсиживаться в углу, а вместо этого решила выбраться наружу. Вряд ли кто-то из нападавших остался внизу – и она без труда сбежит из дворца, отыщет городского...

Впрочем, полиция и так уже наверняка знает. Стрельба в княжеских дворцах – явление редкое.

Правда, не в последние полгода.

Когда меня под прицелом винтовок ввели в зал, я, наконец, смог оглядеться. Здесь приглашенным тоже досталось – но не так сильно. Я видел и раненых, над которыми уже хлопотали их близкие, и трупы с закрытыми тканью лицами. Всего человек пять-семь – на лестнице наверняка погибло впятеро больше.

И лишь дойдя до дальнего конца зала, я понял – почему.

Стреляли только в тех, кто пытался бежать. В паникующий молодняк, в ошалевших от ужаса тетушек, модников и богачей, которые даже не пытались оказать вооруженным людям хоть какое-то сопротивление.

А аристократы – настоящие аристократы, а не толстосумы, прикупившие титул или получившие его в выгодном браке, – так и не показали нападавшим спины. Наверняка пробовали сопротивляться, а поняв, что сила больше не их стороне, просто остались на месте. Без паники, без лишних воплей и трупов. Если бы не кровь на полу и пара перевернутых столов, можно было бы и вовсе не заметить, что здесь только что шла бойня.

Высший свет столицы умел держать лицо – даже в такой обстановке. Не меньше трети из присутствующих я знал лично. Главы древних родов и их родственники. Старые и могучие Одаренные за свой долгий век наверняка видели кое-что

похуже, чем толпа сумасшедших с оружием.

В зале оказались и военные: офицеры в парадной форме стояли полукругом прямо перед нападавшими, будто заслоняя от винтовок остальных. Где-то негромко плакала женщина, я видел на лицах испуг – но большинство держались так, что можно было позавидовать. Спокойно накрыли мертвых скатертями, позаботились о раненых – как могли – и смотрели на убийц.

Смотрели так, что сразу становилось понятно, кто здесь на самом деле хозяин.

Старого князя Юсупова я узнал без труда, хоть он и стоял ко мне вполоборота, рядом с военными. Было в нем что-то от деда: не внешность, конечно, – Борис Николаевич, хоть и рослый, и в молодости не отличался особой статью, а к своим неполным восьмидесяти и вовсе высох. Но взгляд...

Взгляд у старика сейчас был дедовский. Тяжелый, недобрый. «Глушилка» отобрала у меня чутье Одаренного, но, чтобы ощутить исходящую от Юсупова силу, хватало и обычного, человеческого. Неудивительно, что нападавшие чувствовали себя неуютно.

Крепкие молодые парни с винтовками просто-напросто боялись его – худого старика, лишённого магии дьявольской машиной.

Я шагнул вперед и, не говоря ни слова, раздвинув плечами мужчин в штатском, встал вровень с военными. Никто не пытался меня остановить – ни те, кто привел меня сюда, ни

сами офицеры. Никто даже ничего не сказал. Только один – высокий усатый мужик с генеральскими погонами – едва заметно кивнул. И улыбнулся одними уголками губ.

Будто хотел сказать: молодец, воин. Все сделал правильно.

Впрочем, я полез на первый план вовсе не из благородных побуждений – точнее, не только из них. Рискуя в случае чего словить пулю одним из первых, я смог как следует рассмотреть все воинство Хриплого – так я про себя окрестил главаря нападавших.

Всего их было человек двадцать пять, вряд ли больше. Наверняка кто-то из ударной группы – тех, кто штурмовал центральный вход во дворец, – остались лежать внизу... Может, даже половина: в конце концов, им пришлось иметь дело с профессиональными безопасниками, отставными полицейскими и военными.

А вот сами нападавшие военными явно не являлись – и вряд ли были ими раньше. Большинство из них, во всяком случае. Слишком уж неуклюже они держали винтовки и пистолеты, да еще и зачем-то сбивались в кучу, вместо того чтобы как следует перекрыть все входы и выходы в огромный зал. Главарь явно пытался расставить своих людей как положено, но они все равно постепенно стягивались туда, где основная группа держала под прицелом офицеров и князя Юсупова. Видимо, они просто-напросто боялись стоять поодиночке... даже сейчас, когда самые могучие Одаренные превратились в беспомощных стариков.

Чем больше я разглядывал бестолковую толпу с винтовками, тем больше убеждался: неведомый злодей отправил на дело дилетантов. Человек пять или семь были одеты в форму местной прислуги – а может, и правда работали здесь, во дворце. Видимо, так и просочились сквозь охрану, попытались провести своих... и что-то пошло не так.

Ничем иным объяснить бестолковую бойню на лестнице я попросту не мог.

Да и в целом план захвата дворца Юсуповых выглядел каким-то убогим, состряпанным на скорую руку – а потом еще и доверенным абы кому. Судя по копоти и грязи на пальцах, сжимавших винтовки, большинство незваных гостей были не профессиональными наемниками, а самыми обычными работягами: кочегарами, грузчиками или парнями с завода – вроде тех, кого Настасья нанимала себе в мастерскую. Только четверо – включая Хриплого – скорее напоминали студентов или выпускников какого-нибудь второсортного лицея, если вообще не гимназии: слишком молодые и худосочные, с белыми руками, явно не привыкшими к труду. Может, даже какие-нибудь мелкие дворяне – из небогатых семей. Но какого черта этим болванам здесь нужно? Неужели они не понимают, что если сюда ворвется полиция или чертова «глушилка» отключится – им не протянуть и нескольких секунд?

Однако пока чертова железка работала исправно. Я уже успел сообразить, где ее прячут. Рядом с одним их помощников Хриплого стояла увесистая сумка, из которой торчал

длинный провод. Его конец парень держал в руке – наверное, чтобы щелкать кнопкой... Значит, держать прибор включенным все время они не могут.

И это намекает на... кое-какие возможности – правда, пока крайне призрачные. Энергии может хватить и на час, и на два, и на три. А судя по размерам сумки – эта «глушилка» наверняка накрывает весь дворец. И хорошо, если у Хриплого и остальных не найдется в кармане еще парочки.

Их единственный, в общем-то, козырь против Одаренных. Но полиция прибудет сюда с минуты на минуту. И тогда воинству Хриплого будет уже не уйти... если они вообще собираются уходить.

Проклятье, что они задумали?!

– Судари... Я бы хотел узнать: чего вам все-таки надо?

Когда тишину зала прорезал зычный голос князя Юсупова, я вздрогнул. И не только я один: несколько парней с винтовками синхронно дернулись, едва не подпрыгнув. Я бы не удивился, если б кто-то из них с перепугу пристрелил кого-нибудь – но, похоже, больше убийство в их планы не входило.

Настало время переговоров.

– Непременно, ваше сиятельство. – Хриплый засунул пистолет за пояс и поднял вверх обе руки, призывая всех в зале к тишине. – Разумеется, мы здесь, чтобы сообщить наши требования.

Глава 4

Недовольство... нет, пожалуй, даже злобу собравших – теперь уже не по своей воле – в зале аристократов можно было резать ножом. Настолько сгустился воздух между ними и захватчиками. Даже без чутья Одаренного я ощущал чужие эмоции – и на мгновение даже пожалел болванов с винтовками.

Они замахнулись на элиту элит, самую высшую прослойку столичной знати. Такое не прощается – даже если банда Хриплого каким-то чудом не подстрелила ни одной княжны или наследного графа. Угрожать главе одного из самых могущественных родов в его же доме – самоубийство. Парней ждут или пули городских, или виселица – а скорее, кое-что похуже и того, и другого. Смертники!

«Сообщить наши требования» – похоже, дворец штурмовали террористы. И это объясняло если не все, то многое – уж точно. И резню на лестнице, и отсутствие внятных путей к отступлению. А все мы, от военных до хныкающей девчонки в розовом платице, – заложники.

– Позвольте заметить, сударь, что вы сейчас не в том положении, чтобы... чего-то там требовать, – проговорил Юсупов.

Хриплый, уже набравший в грудь голоса для целой речи, осекся. Старый князь срезал его – причем срезал легко,

непринужденно и изящно. Даже стоя под дулами винтовок, он оставался хозяином. И дворца, и положения – и не преминул об этом напомнить.

Кто в своем уме станет стрелять в такого ценного заложника?

– Послушайте, ваше сиятельство... – начал Хриплый.

– Нет, это вы послушайте, сударь.

Юсупов лишь чуть возвысил голос – но на мгновение показалось, что вздрогнул даже пол под ногами. Услышали все – и свои, и чужие... может быть, даже на улице.

– Оставьте требования при себе: здесь они никому не интересны, – продолжил он. – Сложите оружие, сдайтесь полиции. И просите суда и снисхождения государыни императрицы. Подумайте, судари, подумайте еще раз! – Юсупов сделал многозначительную паузу. – Если не о себе – то хотя бы о своих близких.

– Замолчите! – Хриплый снова выхватил пистолет – хорошо знакомый мне кольт. – Мы не желали кровопролития – и не желаем теперь. Но если нас вынудят...

– Расскажите об этом убитым! – громыхнул Юсупов. – Вы уже и так за...

Бах! Бах! Бах!

Слова старого князя потонули в грохоте выстрелов. Откуда-то сверху посыпалась штукатурка. Разрядив в потолок кольт, Хриплый выбросил на пол опустевший магазин – и тут же перезарядил. Сзади сдавленно закричали женщины,

кто-то из военных отступили на полшага... А Юсупов даже не дернулся.

Вот так старец. Из железа их тогда делали, что ли?..

– Полиция уже на пути сюда, – устало вздохнул он. – Но еще не поздно принять верное решение.

– Мы уже приняли свое решение, ваше сиятельство! – Хриплый шагнул вперед и нацелил дуло кольта Юсупову в грудь. – В тот самый час, когда пришли сюда. Нравится вам это или нет – вам придется нас выслушать!

– Валяйте. – Юсупов пожал плечами. – Думаю, где-то десять минут у вас есть.

И снова этакая победа. Вряд ли старый князь мог заткнуть рот террористам – но одним своим словом он обесценил, смешал с пылью все, что они собирались сказать. Выставил бессвязным лепетом – который, конечно, послушают, но...

– Мы воспользуемся любой возможностью донести нашу волю и волю простого народа до тех, кто обычно глух к любым словам. Не наша вина, что людям приходится браться за оружие, чтобы получить то, что принадлежит каждому по одному лишь праву рождения!

Хриплый заготовил целую речь и собирался произнести ее во что бы то ни стало. На этот раз Юсупов даже не стал его затыкать – просто едва слышно усмехнулся.

– И не наша вина, что приходится идти на подобные меры. Даже сейчас я могу лишь надеяться, что государыня императрица услышит тихий, слабый голос простого народа. Те-

левидение, газеты, радио – все принадлежит вам! – Хриплый неуклюже ткнул стволом кольца в сторону Юсупова. – Одаренным аристократам, богачам, которые считают себя выше любого закона – и человеческого, и даже закона Бога!

Все-таки студент: слишком складно говорит. Работяга с завода вряд ли смог бы выдать подобное даже читая по бумажке – а этот, похоже, еще и сочинил все сам. Витиевато, пафосно, длинно... и малоинформативно. Парень распалялся все больше, но пока так и не перешел к, собственно, требованиям.

Наверное, ему будет очень обидно не успеть до появления городских.

– Может, мы... Все мы до единого! – Хриплый окинул взглядом свою нахохлившуюся и ошетилившуюся винтовками банду. – Умрем сегодня, прямо здесь. Но память о нас будет жить вечно! И вместе с ней будут жить идеи народовластия, которые уже не получится похоронить... ваше сиятельство. – Хриплый подошел к Юсупову чуть ли не вплотную. – Не получится – даже если вы убьете нас всех.

– Вы сами убили себя, сударь. – На мгновение на лице старого князя мелькнуло что-то похожее на искреннее сожаление. – Но, что куда печальнее, своим поступком вы на корню губите те прекрасные идеи, для которых, без сомнения, однажды наступит...

– Время уже настало! – Голос Хриплого нарастал, превращаясь в крик. – Мы молчали – но больше молчать не будем.

И вы не только выслушаете нас – но и будете вынуждены считаться! Некоторым людям от рождения – по воле Господа ли, а может, из одного лишь каприза природы – дается необычный Дар. Величайшее сокровище, предназначенное приносить пользу всему человечеству, всему народу. Но такие, как вы! – Хриплый снова в очередной раз указал на Юсупова пистолетом. – Такие, как вы, превратили его в орудие угнетения. Оставили все лишь для себя и своих потомков!

Наверное, примерно с такими же лозунгами в Средние века когда-то начиналось то, что чуть позже превратилось в охоту на ведьм. Костры пылали по всей Европе, Одаренных вешали, вырезали и жгли сотнями и тысячами. Все знают, кто тогда победил... но, видимо, это все-таки не повод отказаться от реванша.

В очередной раз сорвавшись на визг, Хриплый вдруг закашлялся. Долго, протяжно и гулко. Так, что это больше походило на собачий лай, чем на звук, который способна издать человеческая глотка. Когда приступ закончился, Хриплый вытер рот рукавом. Быстро, украдкой – но я все-таки успел заметить оставшиеся на ткани темные пятна.

Похоже, парень болел какой-то легочной дрянью – и болел уже давно и тяжело.

– Прекрати размахивать оружием, идиот, – негромко проговорил усатый генерал. – Или хотя бы убери палец со спуска.

– Верно подмечено, ваше превосходительство. Теперь у

нас есть оружие!

Хриплый, похоже, только и ждал повода вернуть такую фразу. Он снова поднял оружие и шагнул к генералу. Видимо, хотел напугать – а то и эффектно приставить дуло сорок пятого американского калибра ко лбу или ткнуть куда-нибудь в щеку... но так и не решился подойти вплотную. Усатый здоровяк не выглядел одним из тех, кто получал свои чины и звезды, протирая штаны в столице. Пожалуй, ему вполне хватило бы сил свернуть тощую и бледную студенческую шею прежде, чем кто-то успеет выстрелить.

Так что Хриплому оставалось только продолжать заготовленную речь.

– Оружие! – повторил он. – Не только винтовки и пушки, но и то, что раз и навсегда положит конец незаслуженному могуществу аристократов. Оружие, которым мы сможем сразиться с вами – и победить!

Видимо, та самая «глушилка» в сумке. И правда, штука пострашнее сотни пушек.

Закончив фразу криком, Хриплый взял паузу. То ли для пушечного эффекта, то ли просто отдышаться. Судя по красным пятнам на щеках и взмокшему лбу, говорить ему становилось все труднее. Ощущение собственной важности пьянило парня, придавало сил – но и они понемногу заканчивались. Как и время: я уже слышал завывающие где-то на улице полицейские сирены.

– Но мы не хотим войны. Нам не нужны смерти, не нужно

больше лить кровь. Дайте народу то, что мы просим, – и все закончится здесь и сейчас!

Хриплый, похоже, тоже успел смекнуть, что уже скоро здесь станет горячо, и затараторил быстрее, спеша закруглиться. Речь близилась к логическому завершению – с которого, пожалуй, скорее стоило начать.

– Мы желаем, чтобы наши требования были переданы государыне императрице. В изначальном смысле и полном объеме. Кто-нибудь готов... записать их?

– Говорите, сударь, – насмешливо отозвался Юсупов. – Я никогда не жаловался на память. Думаю, как и любой из присутствующих здесь почтенных господ.

Хриплый злобно посмотрел на старика – но спорить не стал. Вряд ли полицейские пошли бы на приступ сразу – с учетом количества и статуса высокопоставленных заложников, – но времени на болтовню оставалось все меньше и меньше.

– Мы требуем достойной оплаты труда рабочих. Жесткого государственного контроля за условиями и организацией безопасности производства на промышленных предприятиях. Сейчас простым людям приходится работать в ужасных условиях...

Меня так и подмывало спросить, что белоручка-студент вообще может знать об условиях труда на производстве, – но, разумеется, я промолчал.

– Мы требуем установления общенародного контроля над

Одаренными, гарантий соблюдения законов и справедливого суда вне зависимости от происхождения обвиняемого, – продолжил Хриплый. – Требуем справедливого распределения государственных земель и ресурсов. Требуем официального признания с правом избираться в Государственную думу народной социал-демократической партии, а также права голоса для всех граждан империи вне зависимости от происхождения. Мы требуем незамедлительного освобождения осужденных по подложным обвинениям народовольцев. И кроме того, мы требуем немедленной отмены немыслимого и оскорбительного для любого мыслящего человека пережитка прошлого... – Хриплый возвысил голос и, глубоко вдохнув, закончил: – Крепостного права!

Не знаю, на какой эффект он рассчитывал. Большинство из присутствующих в зале еще не отошли от стрельбы – и едва ли вообще слушали хоть что-то. А те, что слушали... похоже, попросту не впечатлились.

Через несколько мгновений воцарившуюся в зале тишину прорезал голос Юсупова.

– Что ж... вынужден вас разочаровать, сударь. И не потому даже, что половину ваших требований в принципе невозможно выполнить, а остальные... большая их часть, во всяком случае, – все-таки поправился князь, – неразумны, бессмысленны и, уж прошу меня простить, откровенно смешны и нелепы.

Хриплый шагнул было вперед, но, поймав недобрый

взгляд усатого генерала, отступил.

– А исключительно оттого, – продолжил Юсупов будничным тоном, – что ни полицейские чины, ни министры или члены Госсовета, ни уж тем более сама государыня императрица никогда – я повторяю, никогда, сударь, – не станут ни признавать, ни вести дел с преступниками. Которыми, вы, судари, вне всяких сомнений, и являетесь. Именно так! – Юсупов усмехнулся и покачал головой. – Не народовольцами, не борцами за свободу и гуманистические ценности, а самыми обычными убийцами. С такими, как вы, не вступают в переговоры... Нет – их судят и казнят. И другие варианты попросту невозможны. – Юсупов сложил руки на груди, будто не обращая внимания на нацеленные в него полтора десятка стволов. – И поэтому, сударь, ваши требования никак не могут быть выполнены.

– Очень жаль.

Хриплый свободной рукой откинул назад взмокшие от пота волосы и снова поднял пистолет.

– Очень жаль, ваше сиятельство, – повторил он, – что вы никак не желаете признать очевидное и принуждаете нас к крайним мерам. И если кто-то здесь, – Хриплый взмахнул оружием, будто выбирая, в кого выстрелить первым, – считает, что мы не пойдем дальше угроз, то глубоко ошибается. Если вы откажетесь передать наши требования императрице, я убью одного заложника. И буду убивать еще в течение каждых пятнадцати минут, пока...

– Милости прошу, сударь. – Юсупов пожал плечами. – Я старый человек и уже давно не боюсь смерти. И не стану больше даже пачкать язык, разговаривая с такими, как вы. Как и любой здесь, чье слово стоит хоть чего-то для Госсвета и Ее Императорского Величества.

Я бы не удивился, начни кто-нибудь аплодировать старому князю. Но нет – все молчали. То ли местную публику наглухо придавила серьезность ситуации, то ли каждый боялся привлечь к себе лишнее внимание, то ли...

– Что ж... Это не мое решение, ваше сиятельство. – Хриплый с щелчком взвел курок. – Даю вам десять секунд на размышление. Если же нет... Думаю, господа офицеры сочтут за честь умереть первыми.

Кольт уставился на Юсупова. Потом сместился левее, еще левее... на мгновение замер напротив меня, заглянул прямо в душу черным и глубоким глазом дула... двинулся еще дальше и наконец остановился, нацелившись в грудь усатого генерала.

– Один, – начал считать Хриплый. – Два. Три...
Черт... Нет, так не пойдет!

Я стоял через одного человека в форме – но это не значит ровным счетом ничего. Урод может убить меня и последним, и вторым – когда закончатся отведенные пятнадцать минут. Рука Хриплого заметно подрагивала, он явно не хотел стрелять – но и выбора у него уже не оставалось. И если даже полиция прямо сейчас пойдет на приступ, если сам я уцелею,

успею упасть на пол, откатиться, спрятаться прежде, чем...

Черт... Нет, так не пойдет. Думай, Горчаков, думай!

Я давал присягу. Уже поступил на службу Ее Императорскому Величеству. Я даже не имел ничего против того, чтобы убивать за страну и корону, – но умирать за них в мои планы определенно не входило.

Как и просто стоять и смотреть, как умирают другие.

– Четыре. Пять. – Не останавливая счет, Хриплый вдруг нервно усмехнулся, стиснул зубы и перевел трясущийся пистолет на меня. – Шесть. Семь. Восемь...

Глава 5

– Девять. Де...

– Пойдите! – завопил я. – Нет, не надо, милостивый сударь!

Похоже, получилось достаточно убедительно. Настолько, что на меня тут же уставились все, кого я сам мог видеть. Усатый генерал – с едва слышным вздохом разочарования. Юсупов – взглядом, полным презрения.

И Хриплый – с явным облегчением в глазах. Но пистолетом дернул вниз так, что я на мгновение удивился, как он до сих пор не проделал в ком-нибудь дырку величиной с кулак.

Видимо, стрелять в вооруженную охрану при штурме оказалось куда проще, чем примерить на себя роль палача.

Террористы за его спиной хором вздохнули и чуть опустили стволы. Впрочем, большая часть их все равно смотрела не на нас, а в сторону дверей. Всего зал для торжественных приемов насчитывал три входа – и полиция могла ворваться через любой. Я не удивился бы, окажись они уже совсем рядом: сирены на улице стихли, и городовые наверняка всю оцепляли дворец, выводили раненых, прислугу, опрашивали свидетелей, разбирались, что к чему... Может, уже разобрались. И, если еще не прислали парламентаря, то ли пока ждали, то ли уже готовились к штурму... Вряд ли столичных городских – даже лучших из них, элиту – учили, что следует

делать в подобных случаях.

Еще сегодня утром дворец, в котором собрались несколько сотен родовитых Одаренных, казался самым безопасным и защищенным местом в мире.

– Вашему благородию есть что сказать? – Хриплый поминал меня к себе пистолетом. – Вы готовы передать Госсовету наши требования?

– Да... То есть не лично! – затараторил я, поднимая руки. – Но мой дедушка, князь Горчаков, Александр Константинович... Вы же знаете, кто это?

Примерно половину плана я придумал где-то между счетом «четыре» и «пять». Но остальное приходилось изобретать на ходу – и от этого я запинался даже больше нужного.

– Наслышан. – Хриплый коротко кивнул. Уверенность возвращалась к нему буквально на глазах: он то ли снова почувствовал себя хозяином упущенного было положения... то ли просто выдохнул от того, что необходимость испачкать руки в крови отодвинулась на неопределенный срок – или вовсе пропала.

– Он... мой дедушка – очень влиятельный человек, – продолжил я подрагивающим голосом. – Сам я не смогу напрямую обратиться к ее величеству... Но его государыня выслушает... Непременно выслушает!

– Замечательно, ваше сиятельство. – Хриплый свободной рукой потянул меня за ворот кителя и ткнул в грудь пистолетом. – И как же нам связаться с вашим почтенным дедуш-

кой?

– Я... я не знаю, – отозвался я. – Если бы я мог ему позвонить...

Медленно и осторожно – чтобы Хриплый сдуру не пальнул – я переступил ногами и повернулся к Юсупову. И на мгновение испытал самый настоящий стыд.

Если бы не «глушилка», старик – с его-то силищей – наверняка прожег бы меня взглядом насквозь. В его глазах плескалось столько презрительной злобы, что я всерьез начал переживать за успех своего финта. Его сиятельство наверняка наблюдательный и неглупый человек, он просто обязан уметь соображать быстро... Но станет ли?

– У вас тут есть где-нибудь телефон? – умоляюще прохныкал я. – Где-нибудь, чтобы я мог поговорить с дедушкой... наедине... Прошу, ваше сиятельство!

Весь этот спектакль предназначался для террористов. Но теперь я стоял к ним чуть ли не спиной. И вряд ли хоть один из них мог видеть, как я нахмурился и чуть приподнял вверх брови после слова «наедине» – как раз перед тем, как снова соорудить жалобное лицо.

Ну же, давай, соображай, старый хрен!

– Если вам так не терпится разочаровать почтенного Александра Константиновича, – ледяным тоном проговорил Юсупов, – дело ваше, милостивый сударь. Ближайший отсюда телефон – в комнате охраны. Думаю, сейчас в этом крыле не осталось даже прислуги, так что едва ли кто-то вам поме-

шает. — Худая костлявая рука указала на выход на противоположной стене зала. — Третья дверь направо по коридору — ошибиться сложно. Там наверняка не заперто... И будьте любезны, князь, — Юсупов поморщился, — впредь избавьте меня от своего общества.

Я так до конца и не понял, сообразил ли старик, что я задумал, или принял все за чистую монету. Но разбираться не было уже ни времени, ни какой-то особой необходимости: Хриплый проглотил наживку.

— Идем! — скомандовал он, схватив меня за плечо, и, повернувшись к своим, добавил: — Если не вернемся через пять... через десять минут — начинайте убивать заложников. Сначала военных.

Разумеется, одного меня никто не отпустил. И все-таки Хриплый решил конвоировать меня к телефону сам, без помощников. То ли посчитал сопливого пацана в юнкерской форме совершенно неопасным... то ли не осмелился ослабить свое и без того поредевшее воинство еще на пару стволов. Вряд ли ему вообще хотелось высовываться из относительно безопасного зала, набитого заложниками.

Но других вариантов попросту не оставалось.

Шагая к двери под прицелом кольта, я мысленно прокручивал все возможные варианты. Первая половина плана (признаться, довольно бестолковая) работала, но второй у меня не было вовсе. В конце концов, я не мог угадать наперед, где телефон, скажет ли Юсупов хоть что-нибудь полез-

ное, клюнет ли вообще Хриплый – и прихватит ли кого-нибудь из своих, куда поведет... И самое главное – что или кто встретит нас за неприметной узкой дверью.

Оставалось только импровизировать.

– Не надо, сударь, – прохныкал я, когда ствол кольта в очередной раз ткнул куда-то под лопатку. – Больно!

– Шагайте быстрее, ваше сиятельство.

Когда мы приблизились к выходу из зала, Хриплый снова схватил меня за плечо и скомандовал:

– Открывайте дверь. Только медленно!

В коридор мы вываливались буквально слившись в единое целое. Я не заметил в полумраке ни притаившихся в за-саде городских, ни даже слуг – видимо, вторые разбежались, как только началась стрельба... а первые добраться в дальнее крыло дворца еще не успели. Но Хриплый все равно прижился ко мне чуть ли не всей верхней половиной туловища и отпустил, только когда мы прошли где-то полтора десятка шагов.

Боишься. Наверное, даже не смерти – слишком уж велики его шансы при любом раскладе не дожить до завтра. Нет, скорее Хриплого пугает перспектива провалиться, окончательно угробить придуманный кем-то другим план, превратив весь замысел в ничто.

Самый обычный студент-недоучка, отпрыск небогатой дворянской семьи, невесть с чего возомнивший себя чуть ли не Мессией, таким светочем идей, которые он сам, похоже,

толком не понимал. Больной, измученный и тощий. На полголовы ниже и намного слабее меня, хоть и старше на два-три года. Будь он без оружия, я уложил бы его одной рукой.

Но между лопаток мне смотрел весьма серьезный аргумент – и бросаться на сорок пятый калибр без Щита и Хода было бы попросту глупо.

– Нам сюда... кажется. – Перед тем, как взяться за ручку, я потоптался у закрытой двери – той самой, третьей направо по коридору. – Телефон должен быть здесь, правильно?

– Открывайте уже, – буркнул Хриплый. – Чего вы копаетесь?

– Не знаю! – Я громко шмыгнул носом. – Заело, кажется...

– Черт... – Хриплый воткнул пистолет куда-то под ребра слева и отодвинул меня в сторону. – Дай мне!

Он схватился за ручку с такой силой, будто собирался не просто открыть дверь внутрь, а вообще сорвать ее с петель. Но «закапризничавший» механизм на этот раз поддался исправно, без малейшего усилия. От неожиданности Хриплый провалился вперед и потерял равновесие.

Пистолет больше не упирался мне в бок.

Пора!

Отпрыгнув где-то на полшага, я левой рукой накрыл холодные пальцы, отводя смертоносное дуло еще дальше вниз. А правой схватился за шею Хриплого под челюстью – и всем своим весом впечатал голову в дверной косяк.

Удар получился неожиданно сильным – таким, что хруст-

нуло то ли дерево, то ли вообще кости черепа. Кольт с негромким стуком упал на ковер – а я уже затаскивал его незадачливого владельца в комнату охраны.

– Простите, ваше благородие, – проговорил я, скручивая Хриплому руки телефонным проводом. – На сегодня революция отменяется.

Юсупов действительно отправил нас в комнату охраны. Самих безопасников здесь, конечно, уже не было: наверняка все они до одного остались лежать на первом этаже вперемежку с трупами террористов. Оружейный шкаф оказался пуст – зато на столе остался забытый кем-то в спешке пистолет.

Не привычный наган или кольт, а довольно редкая штука – здоровенный немецкий маузер. Раньше я видел такой только в коллекции у Андрея Георгиевича. Длинное тонкое дуло, деревянная рукоять, магазин перед спусковой скобой. Чисто армейская штукавина – слишком громоздкий, чтобы носить в кобуре под пиджаком или курткой, мощный и тяжелый. Но, как говорится, за неимением...

С Хриплым я разделался без шума – так что самым разумным с моей стороны было бы убраться подальше, найти другой выход из этого крыла дворца, спуститься на первый этаж, отыскать городских, рассказать им все, что знаю... может быть, даже понаблюдать за штурмом зала из безопасного места.

Но на это уйдет явно больше отведенных Хриплым десяти

минут, половина из которых уже и так позади. И кто-нибудь – скорее всего, тот самый генерал с пышными седеющими усами – получит пулю. Прямо в увешанную орденами грудь.

– Слабоумие и отвага... – вздохнул я, засовывая кольт» с маузером за ремень брюк сзади. – Вот наш девиз.

Дорога обратно по коридору заняла примерно минут-полторы. Я специально возвращался помедленнее, оттягивая неприятный и – чего уж там – откровенно страшный и опасный момент. Шагал, волоча ноги по ковру, но ничего похожего на эффективный и вменяемый план в голову так и не пришло. Так, наброски и схемы, в которых три четверти успеха зависело от всемогущего случая.

Повезет – не повезет.

Когда я вошел, на меня смотрели все. Шестнадцатилетний юнкер с дрожащими губами покинул зал под конвоем – и вернулся один. На мгновение вокруг стало так тихо, что я слышал только собственные шаги – раз, два, три, четыре...

Видимо, сработал эффект неожиданности. Террористы дали мне пройти чуть ли не до самой середины зала и только потом дружно направили стволы винтовок в мою сторону. Некоторые, правда, тут же развернулись обратно – стоило военным чуть податься вперед.

– Куда?... Стоя-я-ять! – громыхнул коротко стриженный здоровяк с разбитым в кровь лицом. – Какого?..

– Прошу вас, выслушайте меня, судари! – Я продолжил идти вперед, на ходу поднимая руки. – Все закончилось! Ее

Императорское Вели...

– Стой, зараза! – Стриженный рывком перевел ствол на меня. – Кому сказано! Чего ты мелешь?..

– Все закончилось судари! – громко повторил я, замирая на месте. – Ее величество выслушала ваши требования. Завтра же будет созвано внеочередное собрание Государственного совета.

– А где... Муравьев? – Похоже, стриженный не смог сразу вспомнить фамилию вожака. – Что с ним?

– После разговора с ее величеством ваш предводитель сдался полиции. – Я понимал, что несу откровенную пургу, но остановиться уже не мог. – Всем, кто по своей воле сложит оружие, обещано... обещан справедливый и снисходительный суд!

Я чуть было не ляпнул «помилование» – но на это из террористов не повелись бы даже самые скудоумные. А вот вариант с лояльным судом, оставлявший хоть какую-то надежду на замену виселицы каторгой или тюремным заключением, похоже, сработал. Да еще и оказался настолько убедительным, что поверил даже кто-то из заложников. Несколько женщин облегченно вздохнули. Военный, стоявший ко мне ближе всех, выругался себе под нос, террористы растерянно переглядывались...

И я на мгновение даже успел поверить, что ничего уже не случится. Но у ее величества судьбы, видимо, были на этот вечер другие планы.

– Да хрен вам всем, я на такое не договаривался. – Стриженный вдруг вскинул винтовку к плечу и прицелился в меня. – Выкуси, падла!

На мое счастье, он проделывал все это куда медленнее тренированного солдата. Когда громыхнул выстрел, я уже заваливался вбок, уходя с линии огня и одновременно выдерживая из-под кителя оба пистолета. Нечего было и думать сразу уложить все два с лишним десятка террористов – на это попросту не хватило бы патронов.

Но есть еще «глушилка». И если здоровенному куску металла с запредельным плетением обычными пулями не навредить – кроме него внутри сумки еще мотки проволоки, электромагнитный контур... какой-нибудь ключ-замыкатель, в конце концов!

Так что я просто лупил с двух рук в стоявшую в самом центре кучки террористов сумку. И только краем глаза видел, как упал сначала стриженный, потом тот, что держал провод с кнопкой... потом еще кто-то. Один из военных рванул-ся вперед – и тут же сложился пополам и свалился на пол, прижимая к животу руки. Визжали женщины, где-то звенело битое стекло, трескали винтовки. Гремели двери за спиной: похоже, шли на приступ городовые. Кто-то кричал, падал на пол, прятался за столами...

А я все стрелял и стрелял – пока не кончились патроны. Кольт напоследок лягнул так, что стало больно запястью, – и замер с отведенным назад затвором. Но мне больше

не нужны были ни патроны, ни даже оружие: с последним выстрелом «глушилка» все-таки не выдержала и сдохла, и я почувствовал, как тело наполняет привычная мощь Одаренного. Родовая магия будто наконец прорвала плотину – и с яростным бурлением занимала положенное ей место.

– Щиты! – заорал я, разом накидывая на себя все известные мне виды колдовской брони. – Поднять Щиты!

Заложникам не пришлось повторять дважды. Прозрачные полусферы, способные остановить пули, появлялись одна за другой. Первыми среагировали офицеры в форме. И прежде, чем я успел выронить бесполезные уже пистолеты, в бой пошел усатый генерал.

Никогда мне еще не приходилось наблюдать в деле Одаренного такого уровня – и выглядело это одновременно величественно, красиво... и жутковато. Он использовал явно не обычный Ход, а что-то похожее, но из заклятий высших классов. Грузное и немолодое тело буквально расплывалось в воздухе – настолько быстро генерал двигался. Метровый Кладенец вращался в его руке, как крылья мельницы, разрубая тела террористов и отсекая сжимавшие винтовки конечности. И первым ударом огненный клинок разнес на части вспыхнувшую сумку с «глушилкой».

Кто-нибудь более опытный в государственных делах – вроде того же Багратиона – пожалуй, действовал бы осторожнее: бил бы не насмерть, оставил хоть кого-то для допроса, постарался бы сохранить опасный прибор... Но то ли вырва-

лась на волю накопившаяся злоба, то ли сработали намертво вбитые в тело рефлекс пехотинца. Генерал орудовал своей страшной косою какие-то пару секунд – и вдруг застыл статуей с медленно истаявающим огнем в руке.

И только потом послышался глухой стук падающих на пол изувеченных тел.

– Да твою ж... – простонал я, перекатываясь на спину.

Ко мне уже бежали со всех сторон. Городовые, женщины, военные, разодетые в роскошные костюмы князя и графы – но кровожадный генерал и тут оказался первым.

– Живой, голубчик? – Встревоженное лицо усатое лицо нависло прямо надо мной. – Скажи что-нибудь!

– Ничего... – Я кое-как привстал на локтях. – Нормально... вроде.

– Да ты, никак, подраненный. – Генерал осторожно коснулся моего плеча. – Зацепили все-таки, гады.

В горячке короткого боя я даже не успел заметить, что в меня тоже попали. Весь левый рукав кителя сверху донизу пропитался кровью. Немного успело натечь и на пол, но кость как будто не задело – боли, во всяком случае, почти не чувствовалось.

– Вот же ж... – рассеянno пробормотал я. – Паркет испачкал.

– Да тьфу на тебя! – Генерал смешно шевельнул усами. – Паркет... Главное, что сам цел. А руку поправить недолго. Давай сюда!

Я не успел даже дернуться: крепкие пальцы крепко обхватили мою многострадальную конечность, и через мгновение плечо вдруг зачесалось так, будто в него впилося целое полчище комаров разом – и каждый был размером примерно с телят. Целитель из его превосходительства оказался так себе, зато энергии в самое обычное плетение он ухнул столько, что еще немного – и меня, пожалуй, и вовсе разорвало бы на части.

– С-спасибо, – кое-как выдавил я.

– Потом благодарить будешь, – отмахнулся генерал. – А сейчас – поднимайся. Героям лежать не положено.

Могучие ручищи схватили меня под мышки и подняли с такой легкостью, будто мое тело вовсе ничего не весило. Голова еще немного кружилась... но ничего, устоял. Почему-то это сейчас казалось действительно важным – не лежать на полу.

– Богатырь... Воин! И где вас нынче делают? – Генерал скопился на мои погоны. – Владимирское пехотное?.. Знаю такое! А в Измайловский ко мне – не желаешь? Хоть сейчас бы забрал, безо всякого распределения – да не положено, без чина-то... А скажи – пошел бы? Пошел?

Я пробормотал что-то бессвязное. Но и такой ответ его превосходительство, похоже, вполне устраивал.

– Ладно, думай пока, воин, до выпуска еще нескоро. – Генерал легонько хлопнул меня по здоровому плечу. – Такие люди государыне везде и всегда нужны... А сейчас – ступай.

С тобой его сиятельство говорить хочет.

Увидев, что я жив и как будто даже нахожусь в надежных руках, толпа вокруг тут же рассосалась. У каждого, разумеется, отыскалось дело поважнее – и только старый князь Юсупов терпеливо дожидался, пока мы с генералом завершим нашу весьма странную беседу.

И, пожалуй, не следовало заставлять его ждать и дальше.

– Ваше сиятельство... – Я шагнул вперед и чуть склонил голову. – Прошу извинить меня за этот... спектакль.

– Скорее, это я должен извиняться перед вами, князь. – Юсупов сухомерно улыбнулся. – Вы могли бы стать выдающимся актером... Если бы уже не стали выдающимся офицером.

– Благодарю, ваше сиятельство, – отозвался я. – Но, увы, я пока еще не офицер.

– Но непременно им будете. – Юсупов протянул мне руку. – Вас ждет большое будущее, князь.

Я крепко стиснул костлявые старческие пальцы. Несмотря на худобу, силы в ладони Юсупова оказалось предостаточно. Неудивительно – с подпиткой родового Источника не так уж сложно сохранить если не молодость, то хотя бы здоровье.

– Ваш поступок достоин не только признания, но и высшей награды, которую только может пожаловать Ее Императорское Величество. Но, боюсь, все случившееся не покинет этих стен. Подобное просто не может быть предано огласке, никаким образом. – Юсупов огляделся по сторонам и, не вы-

пуская моей руки, продолжил: – И все же могу пообещать, князь: я не забуду, что вы сегодня сделали для страны, для всего дворянского сословия... для моего рода и меня лично.

Я хотел было ответить что-то учтивое, подобающее по правилам этикета – но слова застыли в глотке. Все вокруг видели всего лишь беседу двух князей – молодого и старого. Но я скорее почувствовал, чем понял: происходит нечто куда более важное... и сложное.

Ладонь ощутимо укололо – будто ударило током.

– Я – ваш должник, князь, – негромко проговорил Юсупов, наконец отпуская мою руку. – И если судьбе угодно – однажды мой долг будет уплачен.

Мне оставалось только молча кивнуть: если для этого странного и немного пугающего ритуала и существовали какие-то правильные, нужные слова – я их не знал. Изобразив учтивый поклон, Юсупов отступил на шаг, развернулся – и удалился куда-то в другой конец зала.

А я... Пожалуй, стоило осмотреть рану, связаться с дедом, дожидаться Багратиона. В конце концов, отыскать Настасью. Может быть, даже узнать, что с Леной: она как раз спустилась вниз перед тем, как началась стрельба.

Но все это потом.

Я неторопливо – рука все еще заметно побаливала – направился к выходу в коридор. Тем же самым путем, которым шел вместе с Хриплым каких-то десять минут назад. Кругом туда-сюда сновали люди – и в форме, и гражданские, но эта

часть зала, похоже, никого особо не интересовала. Только в дверях я столкнулся с невысокой девушкой, которая едва на меня не налетела – видимо, оттого, что глаза ей закрывала длинная темная челка.

– Прошу прощения, сударыня...

Я чуть отодвинулся в сторону, пропуская незнакомку, – и вышел в коридор. Голова все еще немного кружилась, а торопиться было некуда – и я шагал неспешно, чтобы без надобности не тревожить пробитую пулей руку. Первая дверь, вторая, третья – полуоткрытая, с заметной даже в полумраке вмятиной на косяке. Войдя в комнату охраны, я склонился над связанным Хриплым...

И, развернувшись, рванул обратно в коридор. Пробежал десяток шагов, споткнулся, едва не свалившись на ковер, едва не заорал от боли – и, выругавшись, просто привалился спиной к стене.

Все равно не успею... уже не успел.

И можно даже не спешить рассказать другим, что я увидел в комнате охраны: раскрытую дверь, пустой оружейный шкаф, стол, какие-то бумаги, телефон с оборванным проводом, здоровенную лужу крови на полу.

И Хриплого, аккуратно разрезанного Серпом надвое.

Глава 6

– Ну... давай, рассказывай.

Дед пригубил чай, поставил чашку обратно на блюдце, чуть отодвинул – и откинулся на спинку кресла. В последнее время такие посиделки по утрам стали чем-то обязательным: не сговариваясь, мы не менее раза в неделю собирались у него в кабинете где-то за час-полтора до завтрака. Чаше чтобы обсудить что-то – но иногда и просто посидеть, без лишних слов. дед перебирал старые бумаги, а я молча наблюдал, получая какое-то странное удовольствие от самого факта причастности к чему-то немислимо важному.

Хотя наверняка в такие дни дед наверняка просто разглядывал старые фотокарточки, уносясь воспоминаниями в те времена, когда Александра Горчакова-младшего еще не было и в проекте. Я не мешал – кто знает, чего полезного он мог откопать в том, что для человека моего возраста неизбежно превращалось чуть ли не в сказку.

В конце концов, если я что-то и понял за последнюю неделю, так это то, что корни любой дружбы, любого союза – даже вынужденного и не самого приятного – порой уходят в прошлое куда глубже, чем кажется. А значит, и корни любой вражды следует искать там же.

Ритуал утреннего чаепития, хоть и появился совсем недавно, успел стать для нас обоих чем-то действительно

важным. Ни по телефону, ни за ужином, ни позже, когда я заглядывал в Елизаветино чуть ли не проездом, мы так толком и не говорили о том дне, когда террористы захватили дворец Юсупова, хоть и прошла уже почти неделя.

Но теперь время, похоже, настало.

– Что ты хочешь услышать? – на всякий случай уточнил я.

– В первую очередь – обещание, что в следующий раз ты не будешь лезть на рожон. – Дед нахмурился и покачал головой. – Мне понятен твой благородный порыв, но все-таки хочу напомнить: в столице вполне достаточно и аристократов, и тех, кто имеет на них зуб, – а наследник у меня остался один. Так что будь любезен.

– Думаешь, у меня был выбор? – усмехнулся я.

Дед несколько мгновений смотрел на меня из-под кустистых бровей, явно собираясь выдать что-то если не резкое, то хотя бы поучительное, – но так и не выдал. Снова покачал головой, недовольно засопел – и потянулся за чаем.

– Нет, – проворчал он. – Если хотя бы половина из того, что мне пришлось услышать – правда, выбора у тебя действительно не было. Просто... будь осторожнее, ладно?

– Куда уж больше. – Я пожал плечами. – Ты не позволяешь мне и шагу ступить без охраны.

– И каждый раз, когда ты оказываешься без нее, тебя пытаются убить. – Дед подался вперед. – Конечно, за исключением тех случаев, когда ты пытаешься угробить себя сам.

Это он, наверное, про гонку.

– Как скажешь. – Я кое-как придавил понемногу нараставшее раздражение. – Но если кому-то всерьез захочется меня убить – он это сделает.

– Может быть. Но я, с твоего позволения, все-таки приложу некоторые усилия, чтобы этого не допустить, – отрезал дед. – Ты знаешь, кто напал на дворец Юсупова?

– Террористы с прибором подавления родовой магии. Вроде того, что я уже видел, только намного мощнее. – Я на мгновение задумался. – Вроде бы они называют себя народной социал-демократической партией.

– Бред, – отмахнулся дед. – Такой партии не существует. А в свете последних событий – и не может существовать.

– Почему?

– Потому. – Дед раздраженно фыркнул. – Мне нужно объяснять, почему все эти разговоры об аморальной эксплуатации рабочих и народовластии – чушь?

Судя по тону, заданный вопрос был чисто риторическим – но я все-таки надеялся услышать ответ. Хотя бы для общего развития, так сказать. Не то чтобы странный и недобрый спор между Хриплым и Юсуповым оказался для меня совсем уж непонятен – каких-то знаний определенно не хватало.

И что-то подсказывало: в книгах я их вряд ли отыщу.

– Объяснять... Если можно – пожалуй, да. Как ты догадываешься, методы террористов я никак не оправдываю. И даже наоборот – всячески осуждаю. Но сами по себе требо-

вания показались мне... как бы это сказать... – Я на всякий случай втянул голову в плечи. – Не лишенными... некоторого смысла.

Когда под седыми бровями зажглись два недобрых уголька, я уже решил, что разноса не миновать, – и вдруг дед рассмеялся. Не слишком задорно, без особого веселья – но все-таки вполне искренне.

– Забавно... Я уже объяснял это твоему отцу. И брату тоже, – проговорил он. – Видимо, каждому юному наследнику суждено однажды проникнуться светлой либеральной идеей. И однажды – в ней разочароваться.

– Видимо. – Я пожал плечами. – Так что не будем терять времени.

– Как пожелаешь, – вздохнул дед. – Что конкретно тебя интересует? Государственный контроль условий труда на производстве и зарплаты рабочих?

Я чуть не проглотил язык. Как он вообще?..

– Хочешь знать, откуда мне все это известно? – усмехнулся дед. – К сожалению, нравится мне это или нет, требования террористов все-таки покинули дворец Юсуповых. И разошлись во все стороны. Но дело даже не в этом.

– А в чем?

– В том, что в этих требованиях нет ничего нового. Вообще. – Дед откинулся на спинку кресла. – И должен удивить тебя: государственный контроль за производством уже давно существует.

– Вот как?

– Именно. На всех предприятиях, принадлежащих короне, нормы почти всегда соблюдаются неукоснительно, – кивнул дед. – Но на частных заводах и фабриках все, конечно же... несколько сложнее.

– Контроля нет? – уточнил я.

– Контроль целиком и полностью возлагается на владельца. И далее возможны варианты. – Дед сцепил пальцы в замок. – Я не могу говорить за всех, но наш род всегда заботился о тех, кто ему служит. Образование, услуги врачей и целителей... пенсии, в конце концов. В том числе и для семей, оставшихся без кормильца. Не самые плохие, как мне кажется... Но кому-то всегда покажется мало, Саша. – Дед на мгновение задумался. – Однажды Костя – когда ему было примерно столько же лет, сколько тебе сейчас, – пожелал выплатить дополнительную компенсацию одной симпатичной вдовушке, потерявшей мужа после аварии на заводе. Ровно пятьсот рублей из личных средств.

Не самая маленькая сумма. Даже по моим меркам. А для семьи рабочих – и вовсе огромная. Такое просто не могло остаться без последствий.

– И что случилось дальше? – поинтересовался я.

– Эта дура попыталась его соблазнить, – ухмыльнулся дед. – А через неделю таких неведомо откуда нарисовалось еще пять. Я уже не говорю о болванах, которые тайком сами совали руки в станки.

– И?..

– Что и? – буркнул дед. – В конце концов отцу пришлось закрыть производство. Три сотни людей остались без работы. А ту вдовушку зарезали прямо у дома месяцем позже. Кажется, за новую овечью шубу.

– Печальная история. – Я поморщился, будто чай вдруг почему-то стал невыносимо горьким. – Но в чем мораль? Как, по-твоему, правильно?

– Мораль в том, что никакого «правильно» вообще не существует. – Дед пожал плечами. – Ты не сможешь угодить всем – и всегда останутся недовольные. Нытики, которые считают, что именно с ними судьба, государство, аристократ или владелец фабрики обошлись несправедливо. И если ты собираешься заплатить каждому по пятьсот рублей из собственного кармана...

– То у меня не хватит денег?

– Хватит, – улыбнулся дед. – Но не сомневайся – завтра они придут и потребуют еще. Денег, справедливого суда, политических преференций...

– Освобождения заключенных, – добавил я.

– И его тоже. – Дед полез в ящик стола – видимо, за табаком. – И ты удивишься, кем на поверку окажется большинство несчастных узников: люмпенами, маргиналами, мелкими преступниками – а то и террористами. Вроде тех, с которыми ты уже имел сомнительное удовольствие познакомиться. Предлагаешь выпустить их всех?

– Нет, – вздохнул я. – И вряд ли этого бы хотел... хоть кто-то.

– А чего тогда? – Дед буквально не давал мне опомниться. – Возможности заниматься политикой? Да ради бога! Государственная дума существует уже чуть ли не сотню лет. По большей части туда всегда избирали бесполезный сброд – но мне случалось видеть и по-настоящему способных людей из простых.

Голова понемногу начинала закипать. Наверное, не стоило начинать подобный разговор без хоть какой-то теоретической подготовки – но деваться было уже некуда: дед явно оседлал любимого конька.

– Талантливые самородки непременно пробиваются наверх. Медленно, обдирая руки и прочие части тела – но все-таки пробиваются. – Дед причмокнул, раскуривая трубку. – Не могу сказать, что я так уж рад был каким-то там... лапотникам в Госсовете, – но только идиот станет отрицать их полезность. В конце концов, без них мы бы еще пятьдесят лет назад получили такой взрыв, по сравнению с которым дюжина уголовников с винтовками во дворце Юсупова – детский лепет.

Интересно – а знал ли обо всем этом Хриплый?

– А крепостное право? В последний раз мы пытались проташить реформу в тридцать четвертом! – продолжал дед, распаляясь все больше и больше. – И как ты думаешь – кто первым выступил против?

– Древние рода? – осторожно предположил я. – Аристократы, крупные землевладельцы?..

– Нет! – Дед выпустил из ноздрей дым, на мгновение став похожим на рассерженного дракона. – Государственная дума! Мелкие помещики, у которых от дворянского положения осталась, по сути, только бесполезная и дурацкая привилегия владеть другими людьми. Но куда больше меня тогда удивило другое: крепостная реформа оказалась не нужна самим крестьянам... Не всем, конечно. – Дед снова закусил мундштук зубами и тихо закончил: – Но не меньше трети из их голосов было против.

Я едва не разлил чай себе на колени.

– Хочешь спросить – почему? – усмехнулся дед. – Могу только догадываться. Я склонен думать, что переход к положению вольного человека для очень многих скорее означал бы потерю покровительства могущественного аристократа, чем какие-то особенные приобретения. Так или иначе, сейчас крепостное право – не более чем юридическая формальность. И кроме того, некоторые семьи поколениями так тесно связаны с родами, что это скорее можно назвать древним союзом, чем... владением.

– Что-то вроде вассальной клятвы? – спросил я. – Да?

– Сравнение не совсем верное. – Дед улыбнулся и пыхнул трубкой. – Но можно сказать и так. К примеру, прекрасно известная тебе Арина Степановна – крепостная.

– Что? – Я едва не поперхнулся чаем. – Да она же...

– Могла надрать тебе уши, когда ты ребенком позволял себе лишнего? – Дед наблюдал за моей реакцией с явным удовольствием. – Не сомневайся – может и теперь. И ее положение здесь совершенно ни при чем... Пожалуй, она даже была бы смертельно обижена, вздумай я предложить ей вольную.

Я не нашел что ответить: дед разнес все, что говорил Хриплый, в пух и прах. Разобрал по полочкам, расколотил убойными аргументами – и аккуратно ссыпал в мусор. Может, кто-то более подкованный в истории и государственных делах и смог бы возразить хоть что-нибудь, но я – нет.

– Да уж... – Я рукавом отер со лба выступивший пот. – Надо сказать, тогда все это звучало... куда убедительнее.

– Все эти разговоры о кровожадных угнетателях, о равенстве... – Дед понимающе закивал – и вдруг, нахмурившись, посмотрел мне прямо в глаза: – Скажи, Саша: а ты готов отказаться от своих привилегий? Разделить наследство с парой сотен крестьянских сыновей, отказаться от титула?.. От Дара, в конце концов? Стать обычным человеком – без всего, что досталось тебе от предков?

– Нет, – честно признался я. – Не готов.

– И это верно, Саша. – Дед легонько стукнул трубкой по столу, вытряхивая пепел и остатки табака. – Правильно. Хотя бы потому, что люди не рождаются равными. Разбогатеть или, наоборот, потерять родительское состояние может любой. И любой может при определенных обстоятельствах по-

лучить дворянский титул – или утратить. Но некоторые появляются на свет Одаренными – и этого не изменить. Такова природа вещей.

– Да, но...

– Подожди, я еще не закончил. – Дед чуть возвысил голос. – Это лишь половина того, что тебе следует запомнить раз и навсегда. Есть и вторая: ты – князь Горчаков. Не только по праву рождения, но и по тому, кем ты стал. В свои семнадцать ты уже знаешь больше, чем какой-нибудь крестьянин из Елизаветино узнает за всю жизнь, – а твое образование не завершено и на треть. Если начнется война и придется встать на защиту государства, твой Дар будет стоить сотни неумех с винтовками, а со временем – и тысячи. Но дело даже не в этом. – Дед на мгновение смолк, чтобы отдышаться. – Однажды ты научишься править! Не так далек тот день, когда тебе – хочешь ты этого или нет – придется занять мое место в Государственном совете. И я сделаю все, что от меня зависит, чтобы ты был к этому готов.

И, видимо, для этого придется стать... кем-то другим. Не беззаботным недорослем, увешавшим плакатами с актрисами половину комнаты. И даже не юнкером, не офицером на службе Ее Императорского Величества. Я вдруг вспомнил, какие у Кости были глаза до того, как погибли родители.

И какие стали потом.

– Что, не сильно приятная перспектива? – Дед улыбнулся одними уголками губ. – К сожалению, выбирать нам не при-

ходится. Титул дает не только права и вольности, но и определенные обязанности... Обязанностей, поверь, куда больше. И не перед короной, которую, если разобраться, может надеть любой дурак, – а перед страной и государством.

Я молча откинулся на спинку стула. В чашке еще оставался недопитый чай, но больше почему-то не хотелось. Ни чая, ни разговоров – уж их-то мне на сегодня явно хватило.

Но дед так, похоже, не считал.

– Думаю, ты услышал достаточно, – проговорил он, – чтобы понять: идея народовластия сейчас не только бесполезна, но и опасна сама по себе. – Дед задумчиво потер подбородок. – Правда, куда больше я бы опасался тех, кто все это затеял. И кто раздобыл для этих маргиналов оружие.

– Очевидно, Куракин. – Я пожал плечами. – Или кто-то из его... шайки. Сделать «глушилку» без сильного Одаренного в принципе невозможно.

– Это-то и пугает, – вздохнул дед. – Сами по себе взбесившиеся люмпены и пролетарии не опасны, будь их хоть тысячи. Но теперь...

Теперь пары десятков вполне достаточно, чтобы устроить кровавую баню. Хриплый со своей бандой убил двадцать восемь человек – а мог убить втрое больше. И что бы дед ни говорил про одного Одаренного, стоящего тысячу солдат с винтовками, – расклад сил поменялся.

И, похоже, уже навсегда.

– Остается только понять, зачем Куракину эти... наро-

довольцы. — Дед одним махом опрокинул в глотку остатки чая. — Но на это уйдет время, которого и так немного.

— Ага... — Я опустил ладони на подлокотники. — Я пойду?

— Да, ступай. — Дед пододвинул себе лист бумаги и чернильницу. — Сегодня мы вряд ли выясним хоть что-то.

Кабинет я покидал со странным и непривычным чувством. Пожалуй, больше всего оно походило на облегчение... но и какого-то непонятного недовольства в нем тоже было достаточно. Нет, разговор с дедом, безусловно, много расставил по местам, я узнал то, о чем раньше только догадывался — или не догадывался вовсе.

И все-таки меня не покидало ощущение, что осталось что-то еще. Мне дали картинку: занятную, привлекательную, с мастерски отрисованными деталями, вплоть до мельчайших штрихов, — и все же неполную. Будто я держал в руках одну ее половину — но точно знал, что есть и вторая, пусть и не такая ладная и красивая. И как раз ее-то мне дед дать почему-то не захотел... А скорее, просто не мог.

Зато я, кажется, знал, кто может.

Глава 7

Я оставил машину и «Волгу» с охраной в паре домов от неприметного двухэтажного здания в Волинкиной деревне и пошел дворами.

Подступающий мрак декабрьского вечера, темный кирпич стен вокруг, хриплые крики за углом... Похоже, парочке местных не терпелось выяснить отношения кулаками. Насквозь пропитавший воздух запах дешевого табака, дыма и машинного масла. Редкие фонари, из которых половина вообще не работала, а вторая – светила так тускло, что можно было запросто сломать ногу в одной из бесконечных ям и выбоин на асфальте. Положить его здесь положили – похоже, еще до моего рождения, – но с тех пор так ни разу и не ремонтировали.

Рабочий квартал на окраине столицы – да еще и вечером в пятницу – уж точно не самое уютное место для прогулки. Но я все равно чувствовал себя... пожалуй, почти в безопасности. Местные мне не страшны, а наемники или бунтари-пролетарии с «глушилками» уж точно не станут охотиться на наследника дворянского рода здесь, на задворках.

Скорее уж здесь всем на меня плевать.

Кое-как проскочив в тени мимо болтавших о чем-то под козырьком парней в грязных робах и чудом не попавшись на зубок здоровенной лохматой собаке на цепи, я, наконец,

добрался до места. И пробрался в мастерскую не через главный вход, как обычно, а через черный, о котором наверняка знали даже не все работники. К счастью, оказалось не заперто – судя по бессчетному количеству окурков у двери, Настасьяна братия нередко бегала сюда посмолить папиросами или самокрутками. Запах до сих пор держался – значит, в последний раз выходили совсем недавно.

Может, кто-то еще внутри, остался поработать сверхурочно. Сама Настасья, конечно же, каждый день крутила гайки допоздна. Кажется, иногда даже спала прямо здесь, в мастерской, забившись под одеяло в подсобке с работающим на полную катушку радиатором. Декабрь еще не успел полноценно вступить в свои права, и погода стояла скорее осенняя, но ночи в здоровенном и кое-как отапливаемом помещении наверняка уже были холодные до жути.

Осторожно прикрыв за собой дверь, я прошел через что-то вроде короткого и широкого коридора. За дверью слева располагалась раздевалка и, кажется, даже душевая, за ней – вход в подсобку. И только потом начиналась, собственно, мастерская: огромное помещение почти квадратной формы.

По сравнению с моим прошлым визитом сюда, внутри стало явно светлее. Похоже, Настасья все-таки не пожадничала и заказала дополнительные лампы. Но на всю площадь не хватало даже их – так что я мог спокойно расположиться в тени у подсобки, оставаясь незамеченным. И наблюдать.

Мастерская запросто бы вместила и десяток машин, од-

нако сейчас тут находилась только одна. Точнее, пока еще остов, скелет машины, обросший даже не половиной внешних деталей. Под новый проект Настасье удалось неведомо где раздобыть двигатель от «Мерседеса» – старой модели, производства еще пятидесятых годов. Трехлитровая рядная «шестерка» выдавала при толковой настройке две сотни с небольшим лошадиных сил. Не самый могучий и амбициозный мотор – но и на него нашелся свой покупатель.

Отец одного из бывших однокашников по Александровскому лицез, хотел получить что-то «стильное, современное, умеренно-экономичное, практичное, надежное, непременно отечественной сборки – и за разумные деньги». На тот момент мы с Настасьей не купались в заказах – так что взялись без особых раздумий. Машина одним махом сожрала три четверти всего заложенного бюджета – зато и появилась на свет буквально из ничего за какие-то две с половиной недели. Конечно, еще многое предстояло сделать: поставить коробку, оформить салон, доделать кузов... прикрутить колеса, в конце концов, – но многое уже было позади. Я даже мог кое-как разглядеть наваренный на решетку радиатора хромированный значок – стилизованные и чуть наложенные друг на друга буквы «М» и «Г».

Мастерские Горчакова.

Настасья скрылась под капотом чуть ли не целиком – из угла у подсобки я имел удовольствие наблюдать только ноги и... тазобедренную композицию, как сказал бы Богдан.

Рабочая куртка висела на полуоткрытой двери. Видимо, дева-конструктор так распалилась, что ей даже стало жарко.

Любовь к работе грела Настасью лучше любой печи.

А может, тепло дарила музыка. Из проигрывателя на верстаке доносились бодрые аккорды хард-рока. Какие-то очередные модные британцы или парни из Штатов – в последнее время следить за музыкальными новинками категорически не хватало времени. Кто-то выкрутил громкость до упора, и надрывающийся динамик прибавлял перегруженным гитарам хрипа и злости. Но Настасью это, похоже, совершенно не беспокоило – скорее, наоборот. Она даже пританцовывала на месте – одними ногами, не отрываясь от мотора. Смотрелось это забавно, но одновременно и довольно... симпатично. Во всяком случае, просто стоять и смотреть я уже не мог – да и не хотел.

Когда я подкрался и положил руки Настасье на бедра, она завизжала и подпрыгнула. Если не на высоту собственного роста, то на половину уж точно. Развернулась в воздухе, едва не заехав мне локтем в лицо, отпрыгнула, уселась на крыло машины – причем так, что ее ноги оказались от меня по сторонам.

В самый раз чтобы обхватить.

– Добрый вечер, Настасья Архиповна, – улыбнулся я. – Смотрю, ты рада меня видеть.

– Да тьфу на тебя, благородие! Напугал...

Настасья бесцеремонно толкнула меня в грудь, оставив на

пальто отпечаток ладони, спрыгнула с машины, сердито посмотрела исподлобья – и только потом улыбнулась.

– Ты как пробрался-то? – поинтересовалась она. – Я тебя даже не видела.

– Там. – Я махнул рукой в сторону подсобки. – Полюбовался тобой немного.

– Полюбовался он... У меня чуть сердце наружу не выпрыгнуло. Сам знаешь, тут по вечерам всякие ходят – а у меня дверь открыта. – Настасья покачала головой. – А если бы я тебе ключом в лоб дала?

– Ну, если бы дала, то так мне и надо. – Я пожал плечами. – А дверь – закрывай. Ты мне живая нужна.

– Не учи ученую. – Настасья смущенно хихикнула и высунула язык. – Ладно... Чай пить будешь? Или опять повезешь меня высший свет охмурять?

– Чай, – рассмеялся я. – Хватит с нас пока высшего света.

– Да вообще бы туда больше не ходила! – Настасья сердито сверкнула глазами и прибавила – уже тише: – И тебя бы не пустила. Знаешь как я волновалась?!

Я неопределенно покачал головой. Похоже, Настасья до сих пор почему-то винила себя, что удрала вниз вместо того, чтобы броситься ко мне, – но обсуждать события во дворце Юсупова я отказался наотрез. Так что ей пришлось довольствоваться тем, что написали в газетах. Которые, видимо, на этот раз прижали крепче обычного. Даже скандальный «Вечерний Петербург» отделался весьма водянистой и расплыв-

чатой статьей про суматоху и стрельбу на приеме.

Видимо, на этот раз Ленину редакцию навестил кто-то куда серьезнее меня.

Не дождавшись ответа, Настасья снова смерила меня недовольным взглядом, покачала головой – и зашагала к подсобке. Воткнула в розетку чайник и принялась раскладывать по столу чашки, нарезанную и оставленную кем-то булку, колбасу, печенье из коробки...

Что-то в ней изменилось. Не то, что я уже и так мог наблюдать, – другое. Тонкое и неуловимое. Нет, темперамент и фирменная «колючесть» никуда не делись, и все же Настасья теперь казалось куда спокойнее. Не мягче – скорее, просто взрослее, увереннее. Серьезнее.

Я мог только догадываться, чего ей стоит держать в руках свою бригаду, в которой были мужики вдвое старше нее самой. Конечно, одно упоминание моего имени могло решить многие вопросы, но уж точно не превратилось в универсальную палочку-выручалочку.

– Как ты тут? – спросил я, закидывая в кружку пару кусков сахара.

– Да так, благородие... По-разному.

Похоже, мое появление – а может, и воспоминания о стрельбе во дворце – всколыхнуло в Настасье что-то, о чем она не желала вспоминать. И мне, конечно, не хотелось дергать ее без надобности... Но я пришел в мастерскую вовсе не проверить, как идут дела с машиной. Не обсудить покуп-

ку нового сварочного станка взамен сгоревшего или аренду мастерской. И даже не ради пары шикарных ног ее хозяйки.

Мне нужны были ответы... хоть какие-то.

– Насть, – осторожно начал я. – А тебе приходилось слышать о... народныхольцах?

Настасья отвела глаза в сторону и принялась разглядывать чайник – будто от ее взгляда он каким-то чудом мог закипеть быстрее. Мой вопрос то ли застал ее врасплох, то ли оказался просто неприятным.

Я не собирался давить – просто сидел и ждал, пока она заговорит.

– Слышала... Как про них не слышать? – Настасья пододвинула себе чайник с заваркой. – Говорят, это они тогда... ну, во дворце.

И кто-то говорит слишком много – если уж даже вчерашняя крепостная знает или, по крайней мере, догадывается, что к чему. Газеты, разумеется, молчали – но информация просочилась по другим каналам. Разлетелась по столице – а может, и еще дальше.

Хриплый наверняка был бы доволен.

– Не знаю, – на всякий случай соврал я. – Вообще ничего в этом не понимаю – поэтому и спрашиваю. Кто они вообще такие?

– Ну... социал-демократы, радикалы. – Голос Настасьи звучал неуверенно – похоже, она сама не очень-то понимала значения слов, которые произносит. – Поэтому их запрети-

ли.

– Кто запретил?

– Правительство. – Настасья вдруг заговорила еще тише. – Государыня императрица... Кушай печенье, благородие!

Блюдце вдруг скользнуло ко мне по столу, едва не подпрыгнув. За ним поехала и чашка, в которую Настасья тут же принялась остервенело лить не успевшую толком вскипеть воду.

– Не хочешь говорить? – мягко спросил я. – Почему?

– Да потому что! – Чайник громынул об стол, щедро плеснув из носика на скатерть. – Тебе за это ничего не будет, а меня за одни разговоры эти...

Вместо слов Настасья вдруг сделала страшное лицо и провела себе пальцем по горлу.

Чик.

– Не придумывай, – проворчал я. – Никто тебя не тронет!

– Тронуть, может, и не тронут, – с явной неохотой признала Настасья. – А спросить за каждое слово могут. Вон, недавно у Сеньки-механика брата прямо с завода забрали. Черная «Волга» приехала – и все, поминай как звали. Говорят, у него какую-то эту, как ее... гитацию нашли.

– Агитацию, – автоматически поправил я.

Черная «Волга». Похоже, люди Багратиона еще не разучились работать быстро и беспощадно... только с теми ли они боролись?

– Потом еще аресты были, – вполголоса продолжила На-

стасья. – Домой приходили... даже к нашим, из мастерской. На той неделе. Правда, не забрали, проверяли только.

– А сюда?

– Сюда – нет. Нам тут этих народовольцев твоих не нужно. Будто без них дел никаких нету... Машину под Новый год сдавать, а еще редуктор ставить надо. – Настасья явно старалась перевести тему. – Работы невпроворот, благородие.

– Насть, послушай. – Я чуть подался вперед. – Чего ты боишься? Думаешь, я тебя... сдам, что ли?

– Нет... нет, ну чего ты? – Настасья обхватила мою ладонь обеими руками. – Просто страшно, понимаешь? Одни беды от этих разговоров. Даже Иван Тимофеевич – и тот... Ой!

Видимо, этого она мне рассказывать не собиралась.

– Не бойся. – Я улыбнулся и чуть понизил голос. – Что за Иван Тимофеевич такой?

Настасья посмотрела на меня – осторожно и сердито. Но, видимо, сообразила, что я не отстану, и все-таки продолжила:

– Руку у него в станок затянуло на заводе. Так порезало, что еле живой остался. Должен был пенсию получить по увечью – не дали. – Настасья чуть нахмурилась. – Хозяин комиссию собрал какую-то – решили, дескать, сам виноват.

– Комиссию... – проворчал я. – Надо было в суд идти.

– Да толку от судов этих... Может, побоялся просто, не знаю. – Настасья пожала плечами. – Сам не рассказывал, а я спрашивать не стала. Говорит, мне семью кормить, внуков

растить надо, а не по поверенным бегать. Ну, я его к себе и взяла... Ты же не против, благородие?

– Сама решай, – улыбнулся я. – Ты тут хозяйка.

– Так я и решила вот. У него, конечно, всего два пальца справа осталось, работает медленно, зато токарь – от Бога... Где такого найдешь?

Я молча кивнул. История Ивана Тимофеевича как будто закончилась хорошо – но все равно оставила внутри какой-то мутный осадок. Словно я увидел краешек той, второй половины картинки, которую рисовал мне дед... А скорее, даже ее обратную сторону. И выглядела она совсем не радужно.

– Так вот, благородие, – снова заговорила Настасья. – К Ивану Тимофеевичу потом еще приходили парни какие-то. Звали на сбор какой-то – рассказать, как хозяин завода его без пенсии оставил. Только он их послал куда подальше.

– Почему?

– Говорит, вред один. – Настасья покачала головой. – Что на заводе только без руки останешься, а с этими свяжешься – без головы будешь.

Весьма вероятно. Пример Хриплого и его шайки тому подтверждение.

– Понятно... – вздохнул я. – А ты сама – как думаешь?

– Про что?

– Ну, про парней этих. – Я потер уже успевший чуть за-расти подбородок. – Про народовластие...

– А я, благородие, никак не думаю! – Терпение Настасьи

явно подходило к концу. — По мне, так не во власти совсем дело, а в людях. А люди разные бывают. И из простых, и из благородных... Есть вроде тебя, хорошие, а есть такие — тьфу! Ни совести, ни силы настоящей нет, только имя и денег полные карманы. — Настасья поморщилась — будто вспомнила что-то особенно неприятное. — Вроде графья, а на уме одни девки да машины.

Я встречал... да чего уж там — еще полгода назад я и сам был таким же: бестолковым недорослем, убежденным, что мир вращается вокруг него.

— Ладно, прости. — Я накрыл чуть подрагивающую от гнева руку своей. — Насть...

— Что — Насть? — Зеленые глаза выстрелили две молнии. — Мое дело — мастерская. А хочешь политикой заниматься, так занимайся, благородие! Ты у нас знатный — может, кто и послушает.

— Знатный... Ничего, Насть. — Я осторожно стиснул тонкие теплые пальцы. — Скоро ты сама будешь знатная. Закончишь университет, получишь чин по двенадцатому классу. А может, и по десятому даже.

— Да что мне, благородие, — отмахнулась Настасья. — Все равно оно... не то.

— Да почему же? — Я чуть подался вперед. — Если поступишь на службу, получишь по выслуге и девятый класс. А это уже потомственная дворянка!

— Потомственная, не потомственная... Разная у нас с то-

бой жизнь выйдет, благородие.

Только что передо мной сидела грозная валькирия, готовая буквально сжечь меня взглядом, – и вдруг потухла. Разом, в одно мгновение, как свечка, на которую дунул ветер... Похоже, я, сам того не желая, уколол ее в болезненное место.

– Насть, я...

– Да не надо, благородие. – Настасья печально улыбнулась и погладила меня по руке. – Все равно не поймешь.

– А ты покажи!

Мысль, зародившаяся мгновение назад, превратилась в идею. И сразу из идеи – в план. Пока еще смутный, неясный... Но почему бы и нет?

– Это как? – Настасья чуть отодвинулась и даже попыталась освободиться из моей хватки. – У тебя глаза какие-то... Ты чего задумал?

– Нормальные у меня глаза, – усмехнулся я. – Просто подумал – ну как-то же ты без меня отдыхаешь, развлекаешься?... Ходишь на танцы?

– Ну... бывает, что и хожу.

– Отлично. – Я отодвинул кружку и поднялся из-за стола. – Вот их и показывай.

Глава 8

– Благородие, у тебя крыша уехала, – простонала Настасья. – Уже так далеко, что я и не вижу даже.

– А что тебе не нравится? – Я чуть повернулся перед зеркалом. – По-моему неплохо.

Образ получился если не стопроцентно достоверным, то хотя бы цельным. Джинсы, простенький шарф и кепка, закрывавшая козырьком лоб и даже глаза – если надвинуть пониже. Потертая куртка из кожи оказалась чуть великовата – похоже, Сенька был пошире меня в плечах. Но так даже лучше: пусть думают, что стащил у отца или старшего брата. Рубашку я оставил: ничего подходящего по размеру не нашлось – да и вряд ли кто-то станет приглядываться... А вечером на улице или в полумраке зала для танцев никто не отличит копеечную ткань от французской, которая стоит чуть ли не пятерку за погонный метр.

– На таксиста похож, – усмехнулась Настасья.

– Да хоть бы и на таксиста. – Я пожал плечами. – Главное, чтобы не на себя.

Отросшая за пару дней щетина не только добавляла мне пару-тройку лет, но и дополняла образ пролетария. Обычного парня из простых, который честно отстоял всю неделю в цеху за станком или таскал мешки на складе... а может, и правда крутил баранку.

Но чего-то все-таки не хватало... Только чего?

Ну конечно! Руки!

Выйдя из подсобки, я решительно направился к машине с раскрытым капотом. Провел ладонями по двигателю, собирая как можно больше маслянистой копоты, — а потом тщательно размазал по коже и стер оставленной на крыле тряпкой. Настасья наблюдала за всем этим со странной смесью веселья и недовольства на лице, но все-таки подсказала:

— Теперь иди и помой... Только раз, все не смывай. И одеколон на полке возьми. Наши как на танцы соберутся — всегда столько на себя льют, что дышать нечем становится.

Я послушно выполнил все указания до единого. Пахло от меня теперь как от целой парфюмерной фабрики — причем чем-то ядреным, чуть ли не выжигающим глаза и ноздри первую минуту или две. В общем, сомнительное удовольствие — но если уж надо...

— Прошу, сударыня. — Я протянул Настасье руку. — Извольте танцевать?

Она тоже успела переодеться. Конечно, не как на выход в высший свет — но тоже вполне симпатично. Светлое платье по колено, сапоги и приталенное пальто с двумя рядами серебристых пуговиц. Совсем новое — видимо, купила недавно сама.

Ходить в мастерскую или по своим делам в том, что дарил я, Настасья, похоже, стеснялась.

— Укутайся. — Я натянул ей на голову повязанный на плечи

пуховый платок. – Замерзнешь.

– Так тут недалеко совсем, благородие...

– Это на машине недалеко, – усмехнулся я. – А мы пешком пойдем, через черный ход. У меня на улице целая «Волга» сатрапов. Ты часто видела, чтобы парни с завода приезжали на танцы с охраной?

Я не собирался брать с собой ни машину, ни уж тем более дедовых «гвардейцев». Конечно, нехорошо было обманывать парней и сбегать тайком – но я даже не надеялся, что они отпустят меня по-хорошему... Да и какая опасность может подстергать меня там, где собираются самые обычные парни и девушки с рабочих окраин?

Убийцам с «глушилкой» там делать нечего – а остальные Одаренному не страшны.

Когда мы вышли на улицу, в нос тут же ударил запах завода и табачного дыма. Но какой-то выстуженный, подмерзший – похоже, ночь собиралась быть холодной. Я даже на мгновение пожалел, что не поддел под куртку что-то потеплее.

Но возвращаться, пожалуй, уже поздно. До клуба недалеко – за угол через улицу, даже меньше километра. Вряд ли успею замерзнуть... да даже если успею – уж точно найду способ не навредить здоровью.

Все-таки мы, Одаренные, покрепче обычных людей.

– Только не высовывайся, благородие, ладно? – негромко проговорила Настасья, чуть сильнее прихватывая меня под

руку. – Если узнают – разговоров не оберешься... Тебе-то что, уехал и уехал, а мне тут жить. И ребятам моим из мастерской – тоже.

– Буду вести себя прилично, – пообещал я. – Тише воды, ниже травы.

Действительно, Настасью здесь, похоже, знали. И если не любили, то уж точно относились неплохо. Пока мы шли до соседней улицы, с ней здоровался чуть ли не каждый встречный. И молодые парни, ее ровесники, и взрослые мужики лет по сорок с чем-то кивали, махали руками, иногда негромко бормотали что-то приветственное – но подходить не подходили. То ли стеснялись, то ли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.